

История испанской литературы во XVII ст.

во время поэза. Эта повелла не имѣеть никакого сходства съ первыми двумя повѣстями Саласа Барбадильо и разнообразіе своего содержанія сви., пожелать о гонимой таланта автора.

Нужно необходимо продолжатъ разборъ другихъ болѣе мелкихъ повѣстей Саласа Барбадильо. Догадочно сказать, что „Путешественный кавалеръ“ (El Caballero Puntual, Primera Parte, Madrid 1614 г.; Segunda Parte, тамъ же, 1619 г.), въ двухъ частяхъ, — есть шутка, написанная ради остротной людей и явилась едва пер. выжи во время. Въ концѣ второй части помещена пьеса „Los Prodigios de Amor“ (Изверги любви). Въ 1610 г. въ Руанѣ вышла книга Rodomontados Castellanas (Кастильскій хвастовство), многократно много обидяго съ Caballero Puntual. Намекая она была на испанскомъ языкѣ, какъ и многія другія книги, появившіяся въ это время во Франціи, вследствие дружескихъ отношеній между дворами французскимъ и испанскимъ. Содержаніе ея составляетъ некое, явное комическое похощеніе, нѣсколко напоми., пающія похощенія барона Мюнхгаузена. Она мало значительна, но она предшествовала разсказу Саласа Барбадильо черезъ нѣсколько годовъ.

Позомъ „Невѣдущій счастливецъ“ (El Necio bien Afortunado, Madrid, 1621), по содержанію созвѣствуетъ

вполнѣ своему заглавию; впоследствии была пере-
ложена въ стихи Филиппомъ Аиресомъ (Ayres).

„Диего ночью“ (Don Diego de Noche, Madrid 1623г.).

Эпиль именемъ называется великій мусулина, оуирабъ,
мѣняющійся передоузымъ на ночныя похотиженія.
Это нечто въ родѣ прозвища. Разсказы, носящій это
название „Don Diego de Noche“, сообразъ изъ любовныхъ
похотиженій въ земеліи девази ногей одного двора,
мина, презрѣтывающаго неудачи во всемъ, за что
ни беретъ. Есть пьеса Тохаса подѣ зымъ же заглави-
емъ, но она не имѣеть ничего общаго съ повѣстью
Барбадмьсо.

„Короны Парнаса и Угроузеніе Музъ“ (Coronas del
Parnaso y Platos de las Musas, Madrid, 1630), сообразъ
изъ разсказовъ и драмъ, написанныхъ зо прозой, зо
стихами. Основная мысль книги почти за те, что
въ Сонито Данте; но невѣроятно, чтобы Барбадмьсо
хотѣлъ подразмаръ философской аллегоріи великаго
шпанскаго поэта.

Последнимъ сочиненіемъ, изданнымъ при
жизни автора, былъ рядъ характеровъ — сазуръ, подѣ
заглавиемъ „Мудопарный и мудрый Александръ“ (El
Cautioso y Sabio Alexandro). Цензурное дозволеніе
ю печатри было выдано въ 1634 г., лишь за нѣсколько
до мѣсяцевъ до смерти автора.

Взгляд въ цѣломъ, повеллы Саласа Барбадысо не обличаютъ, правда, въ авторствѣ большого ^{заланца,} но свѣдѣн, желсхвуютъ о необикновенной гибкости дарованій, способнаго впрочемъ болше скользить по поверх., моези общесуевенныхъ правовъ, чѣмъ проникать въ займы характеровъ, скрывающихся подъ оболоч., кой правовъ. Но пока Барбадысо былъ въ живыхъ, въродуно вѣлѣдѣвие его прилиторъ и подъ влѣдѣвиемъ его ценствовъ, эпохъ родъ вымысловъ получилъ широкое развизіе.

Именно другіе писатели, ободренные очевидными расположеніемъ публики къ этому роду легкихъ и забавныхъ исторій, еще усерднѣе пошли по той же дорогѣ. Такъ сюда должны быть приписаны „Зимніе вечера“ (Las Noches de invierno) Антонио де Эславы, изданныя въ 1609 г.; впрочемъ, судя по времени, можно предполагать, что скорее Барбадысо пошелъ по стопамъ Эславы, чѣмъ наоборотъ. Primera Parte de las Noches de Invierno por Antonio de Esclava была напечатана въ Памплонѣ въ 1609 г. и въ Брюсселѣ въ 1610 г. Но двѣнадцатыя правочужденныхъ повѣстей Диего де Агреды, 1620 г., очевидно принадлежать уже къ ея школѣ Саласа Барбадысо. Doce Novelas morales y Exemplares, por Diego de Acuña y Vargas, Madrid, 1620 (двѣнадцатыя правочужденныхъ

повестью etc.), перепечатаны в 1624г. О Диего де Вредте упоминается¹⁾, что онъ былъ въ одно и тоже время воиномъ и пасагелемъ. Въ его разсказъ, озаглавленномъ El Premio de la Virtud (Награда за добродетель), онъ излагаеъ событіе изъ исторіи своей содвѣственной фамиліи. Прочіе его разсказы заимствованы съ италіянскаго. Такъ напр. Angelio у Александра. — Это передѣлка новеллы о Ромео и Джульеттѣ Банделло, козрой около того же времени воспользовался и Шекспиръ.

Въ 1622г. Амбро시오 де Салазаръ, секретарь французской королевы издалъ свои „Цвѣтцы увеселеній“ (Clavellinas de Recreacion, por Ambrosio de Salazar, Juan, 1622). Всѣ его сочиненія были напечатаны во Франціи. Франсиско де Луго издалъ въ томъ же году свои „Новеллы“ (Novelas de Francisco de Lugo у Avila, Madrid, 1622), а черезъ годъ и Иосифъ Камерино²⁾ свои „Любовныя Новеллы“ (Novelas Amorzosas por Joseph Camerino, Madrid, 1623). Всѣ эти прозаическія произведенія принадлежать къ школѣ Хуана Тли, монаха, видоизмѣненнаго вліяніемъ Сервантеса и шибетскаго обычаю Саласа Барбадысо.

Целью было несомненно всеобщій, но на правленіе всѣхъ этихъ произведеній было до такой степени идиотско, что въ результатѣ получалась

1) у Баяны (Ваена; Том. I, p. 331).

2) италіецъ по происхожденію, издалъ

монохотное. Поэтому не замедлил подвигаться
запрос на разнообразие, и запрос эргов, вызван,
ный подой, вскоре получил надлежащее удовлетво-
рение. Явившаяся фактом новая форма не
внесла однако же с собой никаких разрывов пере-
мысли. Опять были сделаны уже хорошо нами из-
вестные драматургов, Тирсо де Молино, который
воспользовался идеей Декамерона Боккаччо, уже
определенно замеченого Саласом Барбадильсо (в
его Casa del placer honesto - Доме приличных удо-
вольствий), для связи отдельных историй, по голландско-
го прозаического рассказа, упомянутого Боккаччо
и его школой, ^{Барбадильсо} придвинул к драматической фор-
ме. Опять эргов отыскал общей сцены к театру,
отважившей тогда всю Испанию и центральную на-
градой догадливому драматургу.

Новая форма, о которой здесь речь идет, впервые
замечается в Толедских Загородных Увеселениях,
даль (Cigarrales de Toledo), изданных в 1624г. Тир-
со де Молино. Это оригинальное произведение замеч-
ательно свое заглавие (Cigarrales) от одного арабского
слова, бывшего в употреблении в Толедо: cigarral
значит по арабски маленький загородный домик,
построенный исключительно для увеселений и го-
лландско на более время.

Ширсо де Молина описываетъ, будто въ одною нѣра
заключить домовъ празднества свадьба, интересующая со-
бой многихъ. Эри-го госжи, шеляя проводитъ время
по возможности вѣнчать, рѣшаются цѣлуютъ извѣстн^й
рядъ увеселеній на дому у каждаго, для чего и вы,
пишетею отередной средий. Для каждаго праздника
выбирается изъ кружка особая распорядитель, кою,
рой въ течение одного дня облачается верховной
властью и унозредляетъ все стараніемъ, чтобы обществу
веселилось.

Ciudadales de Toledo (Толедскія Загородныя Увеселе-
нія) и содершаръ въ себѣ описанія эрихъ развлече-
ній; сюда вошли разсказанная въ кружкѣ новеллы,
разыгранная меса, прогизантисе сфилл — словомъ
все, что было предпринято для общаго увеселенія.

Многокорая мнѣща книги озлигалоръ рѣдкими для
того времени качествами, — гармоніей и ясностию
слога, но въ общелъ, какъ напр. въ описаніи дѣд,
наго выисловъ „Ладириша“ произведение Молины
обозобразило свойственной гонгоризму афрекцияей
и всякаго рода нелкпносуджи. Пльлъ не четые
книга поправилае нудлике и, ободренкой чепп,
холь, Ширсо де Молина сочинилъ въ золь же родъ
другую подъ заглавиемъ „Соединение приятнаго съ
полезнымъ“ (Delicias aprovechando), въ зотъ болше

серьезности и благоговения, но далеко уступают
 цену первой в поэтическом доэпопее. Несмотря
 на радужный прием, стольный или пудлинкой,
 отъ книги остались не доконченными; въ конце
 последней обещалась вторая часть, а въ первой ав-
 торъ описалъ развлеченія зольско пьри дней, въиспо
 обещавшихъ двадцати.

Подразумели слову Пирсо де Моллины не замед-
 или явиться. Монзалванъ, подобно упрелю своему
 Лопе де Вель, никогда не уступавший случая угодить
 вкусу пудлинки, издалъ въ 1632 г. свою книгу
 „Для всего“ (Para todos), содержащую въ себѣ вооб-
 разительны забавы кружка любителей лифразурки,
 козорне содиралет въ зеленіи чьолой медьли для
 взаимнаго увеселенія и кончили свадьбой, т.е.
 именно зелью, съ чего начался праздникъ Sigor-
 tales. Нькозорьскіе изсѣрїйки здѣсь разказаны въ
 высшей степени забавно, особенно озаглавленная
 „Въ конецъ тысячаго года“ (Al cabo de los años mil).
 Хотя общій планъ книги гораздо меньше удаченъ,
 несли планъ де Моллины, и порою не такъ удоб,
 но подаетъ драматическую обработку, однако же
 въ заланть авзора неслзи сомнѣваться. Несмотря
 на сильныя нападки Кеbedo, въ общелъ Para todos
 пользовалась большою популярностью. Бесусловными

следствием ее учета было появление много-
численных подражаний, въ числе которых на-
до отметить „Для немногихъ“ (Para algunos) Мари-
аса де лос Рейес, 1640 г. и ильско-го позднѣе
„Для самого себя“ (Para si) Хуана Фернандеса-и-
Перальзы. — „Para algunos“ (Для немногихъ) раздѣле-
на на Тече (эпиграмматъ) Discursos и обработана весьма
художественно. Содержитъ въ слѣдующей: Двое мадридскихъ
инженеровъ, въспѣхъ обѣщанія, даннаго Гваделупской
Богоматери, отправляются на богомолсе и на пути
осознавливаются у одного изъ своихъ друзей, гдѣ
читаютъ пьесу (Agua y Agradecido) одного автора.
Между ними завязывается споръ о магии, подающий
поводъ къ двумъ длиннымъ разсказамъ, по окон-
чаніи которыхъ они продолжаютъ свой путь.

Въ этомъ же родѣ появилась въ Сарагосѣ (1651г.)
книжка Мазеро Андросіо Ботти подѣ заглаві-
емъ Cynthia de Apolo i Parnaso en Aragon (Цинѣя
Аполлона и Парнасъ въ Арагоніи). Въ ней опи-
сываются развлечения и увеселенія общества дамъ
и кавалеровъ, собравшихся, по случаю праздника
Пасхи, повеселиться въ окрестностяхъ города. Въ
ней переплѣтаны проза, стихи, драматическая
форма и проч. Писана же она преимущественно
ради прославленія арагонскаго королевства и изо-

Билуэръ гонимизмахи.

Ттого же соржа сочинение Матиаса де Агирре (Matias de Aguirre del Pozo y Felices). Оно вышло въ Сарагосе 1654, подъ заглавиемъ: Navidad de Zaragoza (Рождество въ Сарагосе). Это описаніе рожд., десрвентскихъ увеселеній, продолжавшихся четыре вечера и происходившихъ въ народномъ приспособод. иенномъ для этой цѣли дворцѣ, гдѣ исполнялись пьесы, декламировались стихи, рассказывались новеллы, обсуждались различные философскіе вопросы и все это оканчивалось роскошными ужиномъ.

„Para Si“ (Для самого себя) de Don Juan Fernan, dex y Petalta (Zaragoza, 1661) двуплукъ на оне (одни, надцаз), discursos и содершишь стихи, аллегорію, драму, подобную новеллу и проч. Она написана въ стилѣ culto и ест въ тькозорой степени по, драматіе Para todos (Для всѣхъ), ^{Мондрагванъ, д} о козоромъ уномъ, наездъ въ приложенной Carta de Apolo.

Срало-дуть, ^{Этотъ родъ повнеубоаватной поэзіи онеи процвѣталъ, а независимо} послѣдубоаватное издание въ свѣтъ ^{отъ этого,} ордѣльныхъ повнеубоаватной поэзіи дѣлѣтѣно продолжалое. Въ 1624 г. Мондрагванъ издалъ восемь новеллъ, написанныхъ замѣчательно легко и граціозно. Одна изъ этихъ новеллъ, Несчастная дружба (La Desgracia a la amistad), принадлежишь къ числу образцовыхъ

по слову, а все они похвалялись болшими усть,
хоты.

За монархствомъ вышуним: Gonkalo de Cespe,
des y Meneses и Juan Martines de Moza. Первый
издалъ въ 1628 г. рѣдь новышеи подъ заглавиемъ
„Рѣдикъ мезорин“ (Historias Peregrinas, Zaragoza
1628 и 1647). Издама зовско первая частъ. Она начи-
нается съ перечня преимуществъ Испаніи. Двой-
ствіе каждаго мѣзъ заключаются въ ней шесте
разказовъ, происходять въ одномъ мѣзъ главнѣйшихъ
городовъ Испаніи и каждому разказу предшеству-
еть перечень преимуществъ зого города, о которомъ
въ немъ говорится. Книга весьма любопытна. Бро-
рои, де Моизъ, издалъ около зого же времени свой
крайне фантастическій разказъ: „Фантази, поран,
даешнъ мезуровъ“ (Fantasias de un Justo), — повѣство-
ваніе о вѣльхъ зѣльхъ невѣроятныхъ случаяхъ, козо,
рсе приходили ему въ голову въ зобредъ, какъ они,
по своему содѣзвенному одѣженію каулись въ
горную пропасть Сьерри Морены. Разказъ зворна,
поминается тамъ теорито Колбридма о дискурсе,
съ козорою событія гередуются въ воображеніи чело-
вѣка, угрожающаго или сильно возбуденнаго.

Castro y Anaya также издалъ въ 1632 г. шестъ
повелль подъ заглавиемъ „Зори диавлы“ (Aporas de

Diána, por Don Pedro de Castro y Anaya), назван, но ихъ фактъ позоу, что они были рассказаны на зарѣ, въ зеленіи пяди дней, для развлечения одной дамы по имени Дианы, которая после продолжна, земельной болѣзни впала въ глѣбокую меланхолію.

Прекрасной полъ закше выслать своихъ пред, срабизельницъ на арену мизеразурной моды. Донья
^{Маркюта} Марія де Карвалат, уроженка Гранады, происходив, таа изъ старинной герцогской фамилии Санъ Кар, лось-и-Ривасъ, издала въ 1638 г. книгу подъ заглави, емь „Rosidescubo въ Мадридѣ“ (Mariana de Carvajal y Saavedra, *Novelas en Madrid* или *Novelas entre, tenidas* — занимательныя повѣсти), содержащую въ себѣ восемь повелль оиенъ мило задуманныхъ и про, сфо рассказанныхъ. Въ 1637 и 1647 г. донья Марія
де Сайльс-и-Розомайоръ, придворная дама и снѣлая заццурница женскихъ правъ, выиграла въ свѣзѣ два сборника повѣстей. Первый назывался прозо Novelas, а взорой — Parasos (Панжвы). Каждной созо, изъ изъ десяти повелль или исторій, связанныхъ между собою бѣстдой дружеской компаніи, содрав, теиенъ на розидесубенскихъ праздникахъ, а закше францами и разлитными увеселеніями, чужро, енными по поводу свадьбы двухъ членовъ кружи, ка. Одна изъ исторій, помѣщеныхъ въ этой книгѣ

подъ заглавіемъ El Prevenido Енгайадо, не смотря на то, что написана меншиною, едва ли не самая скандальнейшая изъ всѣхъ, вообще возрѣваемыхъ. Скарронъ, французскій юмористъ и сатирикъ, восточнъ, зовался ею для своей Précaution Futile, ильскою смѣливъ ея скадрезной характеръ.

Французская писательница mad. d'Аулноу, бывшая въ Испаніи въ 1679-80 гг., хорошей судьбы въ дѣлѣ литературы, отзывалась объ испанскихъ новеллахъ съ большого похвалой. „Нужно признаться“, говорила она, „что испанцы одарены особымъ талантомъ для этого рода произведеній.“¹⁾ Она отъѣзжая своимъ друзьямъ, явля въ Франціи прислала ильско образчиковъ этихъ прекрасныхъ разказовъ. Въ сущности она не получила это, ибо сообщаемая ею въ герверфоль писемъ въ концѣ перваго тома, исторія маркиза де Локъ Риосъ — ничто иное, какъ новелла въ тѣхъ испанскихъ дѣлахъ; затѣмъ въ 1692 г. она издала въ свѣтъ еще геруре новеллы, подъ заглавіемъ: Histoire nouvelle de la Cour d'Espagne, очень удачное подражаніе новеллахъ Монфальвана, Саласа Барбадоса и Сангоса (извѣстнаго новеллиста во второй половинѣ XVII вѣка въ Испаніи).

Взгляды въ цѣломъ, вымысли эти представляюще какое копированіе, которое безъ преувеличенія можно

¹⁾ См. Voyage, Tom. III, p. 117.

назвать громады. Но замечательные самого иль
 коллинезья зорь факт, что они возникли в ту
 эпоху, когда огульная Европа, за исключением раз-
 вь Иралиа, и не способна была къ законъ дѣлзель,
 поэзи фангзизин, з.е. ранше, гьль поавилел. Ар,
 кадъ Сидноз, „Аурей д'Урфе, „Сидъ Корнетъ и
 „Миль Блазъ“ Лесама. Словомъ, испанскія новел-
 лы были наверху своей славы въ зоръ пометуръ, ког-
 да оуель Рандульсе спизалел высшимъ авторитетомъ
 въ дѣлель вкуса, а Тарди, побивуел мелатию нуд-
 лики и приметуру своихъ соперниковъ, скель самымъ
 лучшимъ передѣлаел дѣл парижской сцене погити
 вель новеллы Сервантеса и многия нуръ новеллы,
 принадлежавшихъ ело соперникамъ и современни-
 камъ.

Однако испанскія новеллы, повившиел въ ел
 средине и послѣдней половинѣ XVII вѣка, обезобра-
 жены кулгузизномъ болте, гьль всякая другая оу-
 расел испанской литературы. Въ концѣ столетия
 не было ни одной книги не зраметной зумель не,
 досудкомъ. Съ зого времени цивилизация и нравы
 въ Европѣ сзали дѣлаел басурне чинель бездѣль, за ис-
 ключенель одной Мепалиа. Мадридъ, вильзо зого,
 гтобы влиел на Францюзю, саль подпалъ подъ вли-
 нель французской литературы и цивилизации. Въ силу

Этого зворжескiй духъ пересказъ оживляетъ содого испанскiе романтическiе вымыслы и мнѣхо его задалъ духъ подражанiя всену французскому.

Писатели, извѣстные въ другiе родахъ лирика, юры, поэме по временамъ соблазнялись театральныи чиньхалии. Таки Саласъ Барбадилло, тобы къ нему оиъгъ возбуждился, писавшiй прелестныя повелiи, озабилъ посылъ седи и драмы, изъ козорныхъ одна, по его содубвенному признакио, написана въ духѣ Теренции. Пессы его, озаглавленныя, "Victoria de España y Francia" и "El Galan Francoso y Robre", помощенны въ его "Coronas del Patnaso", пригозобленныи въ мѣхъ передъ смерзю въ перади и изданныи въ томъ же ¹⁶³⁵ году. Прогия его пссы разсѣяны по другиу его изданiямъ и нѣкозоря изъ нихъ носятъ названiе Comedias antiguas или инаке Intremeses, поэому это мнѣхогъ болшое сходство со старинныи пссами Лопе де Рудос и его школы, козоря въ времена Барбадилло играли роль иптермедii.

Алонсо де Касрилло Солорзано (Alonso de Castillo Solozano), чинишiй десятию годами поэоме Саласа Барбадилло (около 1640 или 1645 г.) и изъ вьезной заиме своии новеллами, пользовался наибольшей славою въ промезутокъ отъ 1624 до 1649 г.

Они сохранили одно время на слухах Педро Фракардо, маркиза Велеса, генерал-губернатора Валенсии. Все, что мы знаем об этом авторе, ограничено, ваяя московскими отрывочными свидетельствами, разбросанными в заглавиях и предисловиях по романов, и в похвалочном отзыве о нем Лопе де Веги „*Laurel de Apolo*“, Silva VIII, и Антонио (Bib. Nova, Tom. I, p. 15).

Алонсо де Карресо Колорзано — хорошо известный в эту эпоху автор драмы и народных сказок. Это книга „*Мадридский Гарсиа*“ („*Glorias de Madrid y Coche de Estafas*“), содержащая резкие рассказы о злых делах коварных мошенников, обирающих до отрубивших музыкантов, появилась в 1631 г., а „*Телеса*“ или „*Niña de los embustes*“ („*Душа коварства*“) в 1632 г.

В этом же году этой книги („*Niña de los embustes*“) автор подстывает над кургузомом и впадает за злым сам впадает в зорь же зорь. Немедленно за этим двумя книгами последовала зретья „*Маскерь плутовства*“ („*Bachiller Taramba*“), продолжение которой было издано в 1634 г. под званием заглавием „*Севильская курица*“ или „*Удоска для кошелек*“ („*Garduña de Sevilla*“ или „*Anuelo de las bolsas*“). Этот последний рассказ содержит историю приключений дочери бакалавра.

Не смотря на то, что Эрозь разказъ недоконченъ, она была наиболее популярна въ изр произведений Касульго Солорсано и не зотско ввддержалъ бол, мое число изданій, но вскорь послъ своего появ, ленія на свѣтъ была переведена на французскій языкъ и получила общеввропейскую известность.

Однако въ эти чезаре романа не постыръ зото отличительнаго характера *pisaresque*, т.е. плуровскихъ романовъ, какимъ отличались предшесвующіе имъ вымыслы зото же рода. Касульго Солорсано ранше издалъ: *Tardes vintretenidas* (1625), *Fuertes Alegres* (1626) и *Noches de Placer* (1631). Но ни одно изъ этихъ сочиненій не имѣло большого успѣха; самая удачная изъ его повелль, это *La fandiña de Sevilla* (Севильская кунница), о которой я уже говорилъ. Во, одице въ немъ упоминаются чезарахъ романахъ вощь, пачея дозадатное количесво стльмь и карика, зурныхъ изображеній жизни, какъ и въ *Гусманъ де Алсфарише*, но независимо озъ зото они изоби, лують романтическими повеллами, балладами, даме фарсами и озривками драмы. Между 1645 и 1649 гг. явилосъ довольно много повелль болъе свободнаго характера зото авзора; лучшя изъ нихъ: *увеселенія Кассандрой* (*Los Alivios de Cassandra*) и *Загородный домъ Лауры* (*la Quinta de Laura*), обѣ

подразнаоженія *Amoras de Diana* (Зорки Дианы) Каспро. „*La Quinta de Laura*“ имела три изданія, а *Alivios de Cassandra* (Увеселенія Кассандры), пер., боначалено подвубившиа въ 1640 г., подобно *Para Todos* (Для всѣхъ) монжазванна, естѣ сборникъ драмы, стихотвореній и проз. *Alivios de Cassandra*, за исклю- ченіемъ шессти разсказовъ, были переведены на французскій языкъ.

Въ концѣ „*Alivios de Cassandra*“ помѣщена и острочная комедія того же автора: „Помѣщеніе“ („*de Macotanglo*“). Она основана на исторіи одной дамы, которая стала изъ за денегъ согласилась быть любовницею богатаго вельможи и потомъ бросила его ради переодѣтаго лакея, когда ее убили, то онъ-то именно и естѣ обладателемъ жаль богарсуба, для котораго она оудалась его барину. Комедія эта начепазана вѣтсѣ со своею лоса въ концѣ сбор- ника „Увеселенія Кассандры“. Въ созаавъ этого сбор- ника вошло еще нѣсколко подобнаго же небосъ, миль исеь.

Это „Para Recreacion“ (Zaragoza, 1649 г.) тоже по- ходитъ на *Para Todos* монжазванна и содероширъ въ себѣ ндрѣ разсказовъ и псесу подѣ заглавіемъ *La Torre de Floribella*. Сравнивѣд очевидно, что въ предисловіи формы романа начепазавъ при-

мъшлявався ишовъ, во всякомъ случаѣ болые поздне,
твѣ, если не болые соотвѣтствующія правамъ
современнаго общества. Какъ рече Солорзано, хоро-
шо извѣстный авторъ драмы и народныхъ сказокъ,
появляя идти по словамъ Кеведо, но не имѣя
того же честища.

Мадридъ и его театры.

Прежде чѣмъ описать намъ разстройство о
школы Лопе де Велла или о драматургии его време-
ни, я долженъ сказать нѣсколькихъ словъ о Мадридѣ
и его театрахъ. Устройство главнаго города или общаго
центра, гдѣ сосредоточивались бы все чужеземныя
и литературныя силы страны, должно дало себя чув-
ствовать въ Испаніи. Вѣроятно до царствования Иза-
беллы и Фердинанда, раздѣлая на отдѣльныя коро-
левства и поглощенная вѣчной борьбой съ нею,
вспышавъ враговъ, Испанія не имѣла времени
думать о предметахъ, свойственныхъ мирнымъ пе-
риодамъ народной жизни. Давне вѣломъ дѣвѣ, ко-
гда внутреннее спокойствіе было возстановлено,
многочисленныя войны и вѣнчающагося Карла V въ
долга Кралин, Германіи и Фландріи долго удержи-
вали его вѣнчъ государства; вѣломъ дѣло отъ ма-
ло интересовався соперничающаго большаго горо-
довъ Испаніи другъ съ другомъ и дворъ его переезжъ.

знавъ изъ одного города въ другой, какъ это дѣлалось со времени св. Фердинанда. Но уже и тогда стало выясняться, что преобладало Севильи насущнаежь конецъ. Каскиля подѣлила и въ зломъ слухе, какъ она подѣлила и въ болѣе серьезной борбѣ изъ за одице-лигеразурнаго языка. Мадридъ, любимѣйшая изъ резиденцiй императора, находившаго его кимъ, мать очень здоровыиъ для себя, начинаежь съ 1560 года, благодаря некозоримъ мѣрамъ Филиппа II, по, немногу сформировавъ иеринной столицей всей испанской монархiи. Уже Карлъ V имѣлъ намѣренiе сдѣлать Мадридъ своего столицей; что въ 1544 году Карлъ дозволилъ Мадриду включить въ свой гербъ корону и съ этого времени городъ сталъ именоваться Villa Imperial y Coronaда.

Это Общественство, что Мадридъ сталъ столицей испанiи, оказало особенно сильное влiянiе на испанскую драму. Въ 1583 г. было положено основа, нiе двумъ посредникамъ театраль Мадрида, а съ 1600 года Лопе де Вега, если и не былъ абсолют, нымъ властелиномъ сцены, какимъ его изобра, жаетъ Сервантесъ, зѣль не менѣе онъ сообщилъ ей свое направление. Покровительствующiй деспотизмъ послѣдствiя этого не заедлими оказався. По, кровивелствующей аристокрацией, сжекавшейся въ ко,

королевскую резиденцию, повинулся руководству одного из популярнейших в мире писателей, испанский театр развился необычайно быстро, словно каким-то чудом волшебством. Вокруг Лопе де Веги образцы, как и всякая иная поэзия, подброшенные для Мадрида, да Севильи, Валенсии и других городов, оставшиеся заимать образцы без надежды на развитие своего театра. В Мадриде, о котором испанский театр, писатель Кунса де Касро говорит, что его богачество не исчерпано изумительны и что "Solo Madrid es Corte", под каким заглавием именно отсюда книга вполне испанскую по духу с целью прославить имя Мадрида, в Мадриде между тем неоспорим, но составился кружок драматических писателей, подобно королю по многоисменности и художественности дозривать мы не возвращаем в новейшее время.

Этот переходный период в истории испанской драмы прекрасно характеризует единственной провинциальной комедией, под заглавием "Comedia de Fagovina", написанной в Толедо, в 1590 году, но написанной несколькими годами ранее. Она принадлежит перу доктора Фрея Дамиана де Вега, са, духовного лица в Толедо, по королю аврора Галье искренне привязан и в королю отныне,

повидимому, шиль безвыгодно. Сюжетомъ для неси
 „Comedia Gasovina“ послужило благословеніе Гасова
 Меааколь. Построена комедія огенс просо; ходъ
 дѣйствія ясень, незатуманъ. Въ виду религіознаго
 характера, козориль она проникнута, ес слѣдучь
 ознесри къ старой драматической школь. Но задо
 съ другой стороны она дѣлаетъ на ури акца, шильверъ
 пролошь, дѣлошь, хоръ и много лирическихъ веравокъ,
 писанныхъ разнообразными размерами, какъ-то:
 зерцезами и бѣлыми срилами; съ зрой зожки зрѣ,
 нид она напоминаетъ собой фольско-что подвившіея
 въ до время свѣзскіе драматическіе отыри Сербанурса
 и Аргенсолы. Не обладающая индерекою индуріей,
 написанная суриль и онезриль сриломъ, она зьомъ
 не менше не совершенно лишена поэтическихъ
 дощонисуръ и, сколько извѣсно, была играна на сце,
 нѣ города Толедо. „Comedia Gasovina“ напечатана
 въ лодоничномъ и рѣдкокомъ сборникѣ религіознаго
 срилозвореній, озаглавленномъ „Libro de Poesia Christi-
 ana, Moral y Divina“ por el Doctor Fray Damian de
 Nezas (Toledo, 1590). Въ зьомъ оне сборникѣ мы нахо,
 димъ между различными религіозными срилозворе,
 нидми и разговоръ между Душото, Волето и Раз,
 чномъ, козорый второрудно зоме давался на сценѣ.

Уже у Тилбена де Касро я упомянулъ о зрель

валенси́йский поэтъ. Это — Паррера, Анларъ и Касро.

Мужъ Франсиско де Паррера бы можеть прослыть сь 1591 по 1608 годъ. Извѣстно, что онъ былъ канцлеръ вь Валенсiи, жилъ вь Эль-Валле городѣ вь 1591 году; но его хорошо знали вь новой столицѣ, гдѣ игралъ и печаталъ его пьесы. Онъ былъ именно однимъ изъ галъ писателей, которые парогомъ приѣхали изъ Валенсiи вь Мадридъ, чтобы сражаться на замощней сценѣ свои пьесы.

Франсиско де Паррера написалъ одиннадцатъ или двѣнадцатъ пьесъ, изъ которыхъ только двѣ извѣстны намъ по заглавiямъ. Основныя были напечатаны вь Мадридѣ вь 1614 и вь 1616 гг. Одна изъ нихъ была вь томъ отношенiи, что указываетъ намъ и характеръ театральныя представленiя того времени и особеннoсти драматургической манеры автора. Пьеса начинаеться прологомъ (Loa), который вь данномъ случаѣ не только оправдываетъ свое названiе (Loa — похвала), но и представляетъ собой острочинное стихотворенiе вь гекзаметръ некрасивыхъ шестистишъ. Позомъ слѣдуетъ закъ-называемый el baile de Leganitos (балъ вь Леганитосъ) — такъ назывался народный кудъ вь одномъ изъ предмѣстiй Мадрида, давший свое имя гродому фарсу,

посуровителю на уличной ссоре двумя слуги. Сюжету этого фарса, весьма схожаго съ повѣстными мотивами (Vivantes или Raymote), ссора двухъ лакеевъ изъ-за горничной, оканчивающаяся тѣмъ, что одинъ изъ лакеевъ едва не ушолъ другого въ городъ, скопью фронзана. Фарсъ написанъ въ саринскомъ романскомъ, гдѣ упоминается о предположеніи провести улицу черезъ Лепанисъ, между тѣмъ какъ въ самомъ фарсѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ объ этой улицѣ, какъ уже о существующей. Романъ принадлежитъ перу Саласа Барбадильсо. Именно онъ находится среди его Rimas (1612 г., ф. 125, в.). Фронзана сюда въвезенъ весьма недавно, ибо Лепанисъ славился своими фронзанами.

Когда законить образовать эли прологомъ, эли фарсомъ, зрителю уже приняли въ хорошее настроение духа, написана и главная комедія, названная „Благорасположенная неприязнница“ (La enemiga favorable). Дѣйствіе пьесы происходитъ при неаполитанскомъ дворѣ и основано на ободной ревности короля и королевы. Губернаторъ попытка абзора принайтъ дѣйствіе къ условіямъ времени и мѣста, но все гармонично и правильно, хода пьесы парц, масть характеръ Лауры, которая сначала выдвигается въ короля и подозреваетъ его оубавитъ королеву, а

позовъ переодобляется рыцаремъ, чтобы спасти ту же самую королеву отъ казни за ложное обвиненіе въ неверности.

Это эксцентричная, но не лишенная интереса пьеса. Въ ней есть много, пошлыхъ сценъ и драмъ, зрительскаго движенія. Намр. συμβατ и правдивая сцена въ началѣ пьесы, когда придворные постыжили ко, кидаясь циркъ, где происходили бой быковъ, по случаю опасности, угрожавшей жизни короля. Есть сцена въ высшей степени поэтической, намр. первое свиданіе Лауры и Белизардо, за козрало она вноситъ дервишъ выходя въ залушъ. Сербатрель въ 16152. въ предисловіи къ своимъ комедіямъ осуждаетъ Шаррега похва, лами, какъ одного изъ самыхъ франкихъ посылъ, довазелей Лоне де Вери, за символическаго цѣна и неисъ, зощишуро изобрѣженности (pas en discretion e' inestimables concertos). Изъ отзыва мудраго каноника въ Донъ-Кихотъ о „Внимига Favorable“ очевидно, что пьеса эта служалась тогда лучшимъ изъ пьесъ Шаррега. Эта репузакія осуждалась за нело и пошлость. Но вся комедія засѣбляетъ дунаетъ, что если Шаррега и дѣи, сфизрельно шель по пурри, указанному Лоне де Ве, того, то отъ шель неуверенности и магали и бѣдъ астаго пониманій своей цѣли. Однако „Внимига Favorable“ (Благорасположенная Мерзавишница) дѣи,

История испанской литературы въ XVII вѣ.

лился на зрѣніе jornadas, называемая actos; но по-
мимо этого и по другимъ особенностямъ видно, что
она построена по образцу драмы Лопе де Вега:

Таррега написалъ и одну религиозную пьесу,
посвященную заглавіе: „Основаніе ордена милосер-
дія“ (Fundacion de la Orden de la Merced). Это — исто-
рія закоренелаго разбойника, съглававшегося вели-
кимъ святымъ. Повидимому она дала Калдеро,
мужу Анисы написавъ его, „devocion de la Cruz“. Но,
которая пьеса Франсиско Таррега помѣщена
въ изданіи „Doce Comedias de quatro Poetas de Va-
lencia“, 1609. Но эти пьесы далеко не такъ хороши,
какъ „Inemiga Favorable“, которая помѣщена въ
концѣ изданаго зонта интереснаго сборника „Di-
ferentes Comedias“, изданнаго въ Аркаль въ 1615,
въ Мадридѣ въ 1616 и въ томъ же году въ Вален-
сіи. Всего пьесъ Таррега собрано, по мнѣ-
нію Шикнора, не больше двѣнадцати.

Соперникомъ Таррега былъ Гаспаръ де Аги-
льяръ (Gaspar de Aguilar), ибо Лопе де Вега говоритъ
въ своемъ „Lumen de Apolo“ (Madrid, 1620) о немъ,
по Таррега: „Gaspar Aguilar competia con él en la
dramatica poesia“. Гаспаръ де Агильяръ былъ сна-
чала секретаремъ и виконжа Хелвы, а впоследствии,
служилъ маршаламъ и герцога Ганди, одного

изъ знаменитѣйшихъ великодушъ при дворѣ Филиппа III. Подобно Шарретъ, онъ жилъ то въ Валенсiи, то въ Мадридѣ, и сочинилъ нѣсколко поэмъ, изъ которыхъ одна, превосходящая другихъ по объему и воззвѣ, была посвящена изгнанiю мавровъ изъ Испанiи, была напечатана въ 1610 г. Аллегорическая поэма, сочиненная имъ въ честь бракосочетанiя герцога Ганди, имѣла такъ мало успѣха, что несчастный авторъ, обезкураженный и лишенный мѣста, умеръ съ гордъ. Последнее извѣстiе о несчастной судьбѣ Агиллара относится къ 1623 году.

Гаспаръ де Агилларъ написалъ замѣчательное число поэмъ; но изъ девяти или десяти напечатанныхъ имъ комедiй только двѣ заслуживаютъ вниманiя, это — „Влюбленный купецъ“ и „Меоми, данное счастье“. Первая „Влюбленный купецъ“ (El mercader amante), это — исторiя богатаго купца, который призванъ разорившимся, чтобы утѣдиться, которая изъ двухъ камлетокъ или меншинокъ любить дѣйствительно его, а не его деньги; въ концѣ концовъ онъ женится на той, которая оказалась безкорыстной.

Всегда удачно очерченъ характеръ дамы, которая презираетъ богатую парзю, благодаря своей красотѣ. Когда купецъ съ мужествомъ и самоотверженiемъ

духа разказываеъ еѣ о своемъ быломъ летномъ
разореніи, она уходитъ, говоритъ:

Dios me guarde de hombre Храни меня Госъ оръ человека,
Que tan pronto se consuela, Козорній чашъ легко утѣшается;
Que lo mismo hará de mí! Онъ не знаетъ горевать и похеръвши меня.

Позомъ бо взоромъ акътъ, отказываеъ оръ него окон,
разлсно, она вырывается въ зомъ сие шуриловъ зонъ:

Quienes vea que no eres hombre, Приглашаю васъ, синсоръ, подымаеъ о зомъ, что
Pues el ser tuyo has perdido; Мдо зомъ дѣлало васъ человеккомъ, и презло.
бы не человекъ долне,

У que de aquello que has sido, Оръ васъ осъалоеъ
No te queda sino el nombre? Оно зомско и мѣ.

Has luego un alarde aquí Возвѣстиже на весь миръ
De tu perdida notoria; О своемъ позеръ

Toma cuenta á tu memoria; М позомъ вопрошиже себя самого,
Pide á ti mismo por tí, Чѣмъ вы были и что оръ васъ осъалоеъ,
Verás que no eres aquel М зомда узнаеъ, что вы не зомъ человека,
A quien di mi corazón.²¹ Козорому я оудала было свое сердце.

Пссъ предшествуеъ прологъ или лоса, оканчива,
поцѣиетъ месъто франсакн. Это — исторія одного мо,
лодого человека, козорній испробовалъ безустышнмо
всевозможныя карьеры, какъ-то: уриетъ фехтованія,
поэза, актера и фразурицика; въ отпадніи оръ по,
срутаеъ въ военную службу. — Ясно, что ни на,
пало, ни конесъ пролога не имѣеъ никакого
отношенія къ содержанию самой пссы, которая

1) Mercedes Amante, Точн. I.

2) Ibidem, Точн. II.

написана очень живо, но слишком часто проявля-
 ется дурной вкус и суживление къ эксцессу рит-
 мосу и богурности слога.

Но едва ли не самое замечательное въ этой драме
 — соблюдение единства места и да еще, насколько воз-
 можно, единства времени, — обещавшееся, доказы-
 ваящее, что освобождение испанской сцены отъ
 эта единства въ то время не было еще общими,
 знаннонь франкозовъ. Однако эту пьесу очень рас-
 суживаетъ Сервантесъ.

Событъ въ другой родъ взоравъ пьеса „Нео-
 жданное счастье“ (La muerte sin esperanza), одно,
 актная комедия, действие которой происходитъ то
 въ Сарагосе, то въ Валенсiи, то на дороге между
 этими двумя городами; события, изображенныя въ
 пьесе, обнимаютъ собою нѣсколько мѣсяцъ. Вось фа-
 била этой пьесы: Герой, въ ту самую минуту, когда
 совершается его заочный дракъ въ Валенсiи, под-
 вергается нападенiю въ Сарагосе. Это происходитъ
 въ долине какого-то чудеснаго источника, гдѣ отъ сурово
 влюбляется въ молоденькую и хорошенькую сестру
 хозяина. Бракъ угрожаетъ ему смертью, если онъ
 немедленно не откажется отъ него. Герой черуна,
 етъ угрозы, женился на молодой угрожаетъ въ Ва-
 ленсию. Дорогой отъ рассказываетъ жень своего

несчастную историю и тогда развзвараея съ нею отъ
 хладнокровно замышляея убить ее. Впрочемъ
 отъ отказываея отъ этого намъренія и они при-
 ѣзжаютъ въ Валенсію, гдѣ жена, слыша при-
 вязанная къ мѣлу, добровольно слухи ему,
 какъ раба, и даже забываетъ о ребенкѣ, котораго
 отъ нѣверъ отъ своей валенсійской супруги. За-
 ботами мѣлтопосудами слѣдуютъ другія. Сарагос-
 ская жена видитъ наконецъ себя вынужден-
 ной забыть открыто о своихъ правахъ. Неблагъ,
 дарный мѣлтъ похвараея убить ее и охараея въ чѣ-
 репности, что это ему удалось. Это арестовываея
 по обвиненію въ чѣмъ и въ то же время при-
 ѣзжаетъ братъ жены и зредуетъ правительнаго суде-
 наго поединка съ обидчикомъ. Никто однако не
 хогеть быть секундантомъ у обомъсудея. Въ послед-
 ную минуту оскорбленная жена, которую весь
 свѣтъ погубилъ, являетъ на полъ битвы въ
 полномъ вооруженіи не за зѣмь, чтобы защи-
 тить своего презрѣннаго супруга, а чтобы мѣлтъ
 венно охараея за свою поруганную честь. Но ко-
 роль Фердинандъ, предаея съвѣщанію на поедин-
 къ, не допускаея ее до боя и эта суровая исто-
 рія оканчиваея бракомъ арагонской герцогини съ
 ея протомилъ обомъсудея, который почти и не

появлялся на сцене; мелодъ дѣйсвующею мнози,
 датиний, muerte verdaderamente sin esperanza, козо,
 риль и обьдѣннѣея заглавие этой неуклюжей пьесы.

Комедия оукираваея лова, прологомъ, гдѣ авторъ много
 распространяея о могущесвѣ человека, а оканчи,
 баеяя прочею Фердинанда, козорый заявляея, что за
 исключеніемъ завоеванія Гранады ничто не могло
 доставить ему столько радости какъ совершившея при
 помощи его принужденіе выобленныя. Но и лова
 и прочея слышны и неумѣсны. Напрозубъ сцена
 праздника на берегу моря близъ Валенсїи, гдѣ весь
 дѣйсвующїя лица сходяся впервые, очень удачна.
 Сюжетъ можно сказаъ и о нѣкозорыхъ мѣстахъ по,
 слыднѣю дѣйсвїа. Вообще говоря, въ комедїи много
 озорь и каламбуры, за то во всемъ оурачномъ
 — поразительная бѣдность. Свѣтъ пьесы, хотя и не
 особенно художественный, во всякомъ случаѣ го,
 раздо лучше сюжета. Она написана плавными
 quintillas или кражкими тѣзисурочными страся,
 ми, перекатанными длинными безавками раз,
 котора саринивиль романсовъ.

Семь пьесъ Лопе де Вега вошли въ число въ комедїи
 другихъ писателей въ сборникъ, напечатанный въ
 Валенсїи въ 1609 и 1616 гг. „Muerte sin Esperanza“
 (Неожиданное счастье) издано ранѣше. Другая пьеса

Амбляра "Vengança Honrosa" (Честное мщение) по,
мнению в издании 1707 "Diferentes Comedias". По,
дробности об Амбляре можно найти у Родригеса
(рр. 148 и 149) и у Химено (Том. I, р. 255). Последний,
никогда не привел в своем порядке материал,
собранный Родригесом.

Что до школы Лопе де Веге, к которой принадле-
жали, кроме перечисленных нами, и многие
другие писатели, то она не всегда пользовалась еди-
нодушным сочувствием. Прозвище этой школы бы-
ли: классическая кризика, церковный котурро
и вообще прозвище географо-микропридзия владык.

1. Классическая кризика.

Люди чуждые братья от времени высказывались
против школы Лопе де Веге; суровые или притир-
чивые кризики часто издевались на нее своим умом
и свое остроумие, пользоваясь для этого серьезными
промахами школы и ее эксцентричными сферами.

Президе всего Алонсо Лопель, больше известный
под прозвищем El Pinciano, в своей "Философии-
поэзии, основанной на учении древних" (*Filosofia
poetica fundada en la doctrina de los antiguos*) около
1596 года, именно в своих разсуждениях о сути,
мощи комедии и трагедии, дает ясно понять, что
он вовсе не одобряет этой драматической формы, которая

въ его время магичала господствовать на сценѣ.¹⁾

Братья Архенсола (Los Argensolas), которые десятию годами раньше начали создавать другой большіе классическій языкъ драмы, поэме, конечно, не были особенно довольны направлениемъ современнаго имъ театра; одинъ изъ нихъ, Бартоломео охкровенно высказывалъ это въ своихъ дидактическихъ сапурахо.²⁾ Къ нимъ при, соединились и другіе кризиски, въ томъ числѣ: Арриэда (Andrés Rey de Artieda), высказавшій свой прозееръ въ стихотворномъ посланіи къ маркизу Куеллару,³⁾ Виллегасъ (de Villegas), пылкій лирический поэтъ, въ своей седьмой Мегин⁴⁾ и Хрисовалъ де Меса, — въ разлитыиъ мѣстахъ своихъ стихотвореній и въ прологѣ къ своей трагедіи Помпей.⁵⁾ Далѣе къ этимъ прозеерамъ приходится прибавить ученое разсужденіе объ истинной формѣ трагедіи и комедіи (въ предисловіи и разверзкой Tablas poéticas) Каскалеса (Cascales)⁶⁾ и, наконецъ, острокія манадки Сареча де Фигероа (de Figueroa) на народный испанскій языкъ, въ которомъ онъ видитъ одно только дурное.⁷⁾

Изъ этого перечня мы получаемъ, если не все сказанное, то по крайней мѣрѣ все, что въ этомъ отношеніи заслуживаетъ наше вниманіе. И изъ этого ясно видно, что школа Лопе де Веги, какъ

1) El Pinciano, *Filosofia Antigua Poética*, Madrid, 1596.

2) *Los Argensolas, Rimas*, Zaragoza, 1634.

3) *Andrés Rey de Artieda, Discursos, etc., de Artemidoro*, Zaragoza, 1605.

4) *Est. M. de Villegas, Dísticos*, Najera, 1617.

5) *C. de Mesa, Rimas*, Madrid, 1611 и его *Emprezo*, Madrid, 1618, съ прило.

6) *Cascales, Tablas Poéticas*, Murcia, 1616. (эпическіе Dedicatoria.

7) *C. P. de Figueroa, Pasagero*, Madrid, 1617.

уже сказано, не везде пользовалась единодушными сочувствиями. Но все эти порицания мнѣю меньше значенія, нежели положительныя принципы, ясно изложенныя Лопе де Вега въ его *Arte nuevo de hacer comedias*.

2. Церковный контроль и нападки.

Оппозиція церкви, болѣе опасная, чѣмъ оппозиція свѣзскихъ цензуръ и кризисовъ, въ которыхъ оукоменикъ была основательнѣе, поэтому это много пещи, действовательно, оказывалась непримиримыми, а некоторые изъ нихъ положительно безправительными. Духовенство съ самаго начала было противъ театра, противъ свѣзскихъ представлений, и въ силу того соображенія, что свѣзскія представления — свѣзская драма — замѣняли собою церковныя представления, въ которыхъ послѣднихъ духовенство видѣло средство поддерживать свое влiднiе на народъ. Таковы были насродичія прикиноса, въ силу которыхъ въ 1545 году запрещены комедии Понреса Нахарро, а въ 1548 году подана кортесами Карлу V петиція о недозволении театра и продавае непримиримые фарсы всякаго рода. Долго однако ограничивались прекращенiемъ театральныя представления только на время придворныхъ празднествъ и по случаю другихъ общесрвственныхъ бѣдствiй или слухъ. Могущь бѣдъ, духовенство и разгнѣвало

Этим путем добился понемногу больше крупных результатов.

Но по мере того, как значение театра росло, благодаря популярности Лопе де Веги и многочисленности его последователей, споры об его характере и влиянии становились все оживленнее. Незадолго до этого в 1587 году Филипп II спрашивал у инквизиторских ученых богословов королевства, не следует ли окон- гательно воспрепятствовать представлению? После продолжительных обсуждений король согласился с тем, больше употребительным мнением Алонсо Мендосы, профессора Саламанкского университета, т.е. дозволил театральное существование, но подгнул им строжайшей предварительной цензуры. В 1597 г. юный же Филипп II, больше монах, чем король, слобдуя обычаю, велел прекратить все публичное представление в Мадриде, по случаю смерти своей дочери, герцогини Савойской. В это время монах был уже спорь и слава. Враги театра, в числе которых находился и Луисеио Архенсола, задрали короля в свои руки, так что, когда в 1598 г. спорь о театре возгорелся с новыми жаромь, Филипп II, притоме тьмь испугавшись последнего вздохь в Дескрипцях, усреинивь угасавший взорь на алтарь, едчалаь распорьжение о закрытии всего театровь. Но ни одно изь нападенй на театр

и актеровъ не было такъ серьезно и резко, какъ напад-
деніе Маріана въ его De Rege (1599г.), возобновлен-
ное и усиленное въ его десятихъ мѣсяцъ спустя вышед-
шемъ трагедіи De престасулis.

Удивительно, что внезапныя, произведенныя Фри-
ми нападки, были весьма слабы, не смотря на то,
что они появились въ краткую эпоху, непосредствен-
но слѣдовавшую за смертию короля. И удары, нанесен-
ные ^{церковью} театру, не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ того,
что драматическіе писатели были вынуждены придать
глубже къ разрыву хурросьяль, чтобы избѣгнуть преслѣ-
дованій властей, да репутация актеровъ въ значитель-
ной степени упала въ общественомъ мнѣніи. Но
выблизъ драму изъ позиціи, завоеванной для нея общес-
твеннымъ сочувствіемъ, оказалось невозможнымъ.

3. Авторитаризмъ властей.

Президе всего мадрида, признанный сполна
всего королевства, просилъ объ отмене театровъ. Въ
подкрѣпленіе своей просьбы графиня мадрида ссыла-
лась на представленія короля религіозныхъ песте-
нщиковъ на актеровъ и зрителей такое благозвучное
вмѣніе, что немедленно послѣ спектакля многие изъ
нихъ поселились въ монастырь. Но случается и обрат-
^{ингда}
совсѣнно противоположное, прозаическое. Такъ, напр., разсказывается исторія по-
лодой дѣвочки, козлой родителю, въ видахъ благочестія,

1) Въ „Tratado de las Comedias“ (1618) Bisbe y Vidal.

позволили присудежовати нѣсколко разъ на предсѣв-
леніяхъ ^{тѣснѣ} „Обращеніе Маріи Магдалины“ и козораѣ
закончила свои посвященія зѣльмѣ, что влѣблмаетъ въ
актера, играющаго роль Спасителя и убѣждала съ нимъ
въ Мадридѣ. —

Указывалось гражданами законе, что налогъ на
театры въ пользу мадридскихъ госпиталей бѣль не,
обходимъ для существованія зѣльмѣ благотворительныхъ
учрежденій. Но случалось не разъ и здѣсь совершен,
но противоположное. Именно Bisbe y Vidal уверен,
даже, что госпитали, разсчитывая получить вносительствѣ
доходъ съ театровъ, дѣлали закъ бѣльмѣ театры на
поддержаніе ихъ, что сами вѣльмѣ зѣльмѣ этого перѣдко
приходили въ упадокъ. Bisbe y Vidal прибавляетъ
(с. 1618), что въ то время, благодаря театрамъ на театры
одного изъ правителей Валенсїи, госпиталѣ зѣльмѣ го,
рода почель закъ матеріальное убытки, что винов,
никъ его разоренія рѣшилъ поступить въ мона,
сѣльмѣ, предсѣльмѣ госпиталѣ, для пополненія оскѣльмѣ,
мѣльмѣ по его вѣльмѣ средствѣ, все свое сосѣльмѣ.

Принятая во вниманіе закъ доводы, Филиппъ III,
въ 1600 г., зѣльмѣ черезъ два года послѣ закрытїа театровъ,
созвалъ соборъ изъ духовныхъ лицъ и изъ гезельмѣ
главнѣйшихъ свѣльмѣ саноьниковъ королевства и
поручилъ мѣльмѣ вновь обсѣльмѣ вопросъ о театрахъ.

Они еще строже преследово озовались одъ испанскою театръ послѣднихъ времени, и Филиппъ III, сообразно съ эдмъ, позволилъ оковать театры съ одними голландско условіемъ, чтобы число актеровъ было уменьшено, что бы въ комедіяхъ не было ничего неприличнаго и что бы представленія происходили, кромѣ воскресенья, еще три дня въ неделю, если на эти дни приходилась церковные праздники.

Это распоряженіе Филиппа III въ существительныхъ театрахъ своихъ сохранилось до сихъ поръ и испанскій театръ срамъ, благодаря ему, на прогнору погову, пользуется иногда случайными привилегіями или подвергается случайнымъ оубоженіямъ. Это закрывали на время обществ. великаго утруса, какъ это, напр., было въ зеченіе трехъ лтодщевъ послѣ смерти Филиппа III, и еще разъ въ 1665г., вѣлѣдствіе ханонсства королевы-регентши. Но закрывіе его продолжалось недолго и ему уже никогда не приходилось больше бороться за свое существованіе.

4. Открытіе испанской народной драмы.

Мало по малу, а именно съ наступленіемъ XVIII вѣка, испанская народная драма насуетско открыла, что ей нечего было бояться ни озововъ классической критики, ни церковнаго контроля или какого-ни. будь нападка. Въ *Viage entretenido* Луцедина Рохаса, пвзора, одъоздившаго цѣлый рядъ городовъ Испаніи,

какъ-то: Севилью, Гранаду, Толедо, Вальядолидъ и почти всю Испанію, мы знаемъ, что театральная пред-
савлениа проникли вездѣ, даже въ маленскія деревуш-
ки, и что драма, во всякъ ея формахъ, до зого удивле-
ннѣе разнообразна въ искусствѣ публички, что ели,
жалася модными народными развлеченіемъ. У Рохаса
встрѣчается весьма забавное описаніе воени зрѣннѣ
сфранцузующихъ актеровъ, начиная съ группы, носившей
прозвище Вилули и состоявшей изъ одного актера,
и оканчивая Сопраніа, состоявшей изъ семнадцати
членовъ.¹⁾ И въ 1632 г. Монральванъ переписываетъ на-
множество драматическихъ писателей въ одной Касериліи.
Три года спустя (1635), итальянецъ Фрадио Франки, живъ-
шій въ Испаніи, въ своемъ панегирике Лопе де Вега
написываетъ еще около зрѣннѣ драматурговъ и чуберовъ,
даже, что они пользовались зрѣннѣмъ вѣннѣмъ
на всемъ полуостровѣ. Все это служитъ доказательствомъ
зрѣннѣмъ Лопе де Веги и его школы. Сказано-быть
нечего сомнѣваться въ томъ, что и въ Лопе де Веги въ
эпоху его сверши было великимъ поэтическимъ иже,
нелю, озарившимъ изъ конца въ конецъ своею славою
его отечество и что созданныя имъ формы драмы,
не смотря на оппозицію, узрановились прочно и ели,
малень излюбленными формами народной драмы
для всей Испаніи.

¹⁾ Viage, Madrid, 1614.

Покончивъ со школою Лопе де Веги, мы переходимъ теперь къ зрѣлѣму великому поэту-писателю испанской литературы. Это — Калдеронъ, великій прелестникъ и соперникъ Лопе де Веги.

Педро Калдеронъ де ла Барка (1600—1681).

Устами Лопе де Веги, естественнаго, должны были породиться и, на самомъ дѣлѣ, дѣйствительно и породились многосторонне подразнаренныя. Проложенныя или дорожка и возбужденная въ испанскомъ обществѣ любовь къ драматическимъ предзавлеченнымъ дали ходъ многими талантамъ взоросленнымъ. Но послѣ Сервантеса и Лопе де Веги зрѣлымъ великимъ писателемъ испанской литературы былъ Калдеронъ. Онъ былъ младшимъ современникомъ Лопе де Веги; онъ былъ юнотей, когда послѣдній былъ въ зенитѣ своей славы. Историческое положеніе его было иное. Въ то время какъ Лопе де Вега задалъ испанскую драму почти въ хаотическомъ состояніи и долженъ былъ создать изъ ея несуровыхъ элементовъ художественное цѣлое, Калдеронъ задалъ главныя формы драмы уже разработанными гениемъ своего предшественника, и ему ничего не оставалось болѣе, какъ при, дакъ уже существовавшимъ формамъ болѣе художественную оцѣнку и наполнить ихъ болѣе густыми содержаніемъ. Но Калдеронъ, на ряду съ

испанским поэтом Торквато Тассо (1544-1595), и даже превзойдя его, приобрел славу величайшего кастильского поэта новейшего времени и во всей своей деятельности явился предзвездельем этого периода высшего художественного совершенства, который испанская поэзия пережила в XVII веке. Хотя Кальдерон и не был творцом новой формы драмы, но все же ^{он} был великим национальным поэтом и пользовался такою громкою славою, что его жизнь и произведения необходимо должны занять видное и почетное место в истории испанской литературы.

Педро Кальдерон де ла Барка (Pedro Calderon de la Barca). Имя Calderon было пришло франк. слово в XIII столетии по следующему случаю: один из членов, временно рожденный и принятый за мерзавца, был опущен, для удостоверения, только в нем признаков жизни, в котель (calderon) с горячей водою. Так как он соделался вино, следовательно великим геловником и пользовался милостями св. Фердинанда и Алфонса мудрого, то его прозвище обратилось в почетное имя и ныне Кальдерон было с той поры включено в франкский герб Кальдеронов. Придавленное прозвище Барка было заимствовано позднее от полководца, принадлежавшего одному из членов этой семьи, по имени в дикт

прозвись мавровъ. Въспомощество послѣдняяго событія на щизнѣ Калъдерона герба были изображены замокъ, боевая рукавица и девизъ *Por la fe morire* (Умереть за вѣру), которые соединенные вѣтвями, представляли собою вѣсъ, на приличный гербъ для испанцевъ XVII вѣка.

Педро Калъдеронъ родился по однимъ 1-аго Ян., баръ 1600 года, а по другимъ — 17-го Января упомянутого года, въ Мадридѣ. Семейство его принадлежало къ вѣстнѣйшимъ домамъ въ Испаніи и по общезвѣстному положенію для него съ самаго ранняго дѣтства были доступны все средства къ умственному развѣдѣнію. Отецъ его былъ секретаремъ государственнаго казначейства при Филиппѣ II и при Филиппѣ III, а мать происходила отъ одной благородной семьи, переселившейся задолго до его рожденія изъ Нидерландовъ. Но самое интересное обстоятельство, связанное съ его происхожденіемъ, заключается въ томъ, что подобно Лопе де Велье, другому великому творцу испанской драмы, отецъ родился въ Мадридѣ, и это его семейство, какъ и семейство его предшественника, Лопе де Велье, было родомъ изъ небольшой, но плодотворной и живописной Карриедской долины, гдѣ отъ семьи владѣли въ раннюю пору наследственными помѣщиками.

Девяти лѣтъ отъ роду Калъдеронъ былъ отданъ на воспитаніе иезуитамъ въ иезуитскую коллежю его родного

1) Каспаръ Августинъ де Лара „Obelisco funebre“ (Madrid, 1684). —

Вера Пассисъ и Вильямъ-роузъ у Баенъ „Fijos de Madrid“, том. IV, p. 228.

города и, подобно своему современнику Кортемо, фран-
цузскому драматургу, жите испанскому иезуиту, по-
лучил отъ ниль направление, наложившее свою печать
на всю его жизнь, на его литературную деятельность и въ
особенности на его послѣдніе годы. Изъ иезуитской шко-
лы онъ погнулъ въ Саламанкскій университетъ, гдѣ
съ целью изучать схоластическое богословіе и фило-
софію, а также гражданское и церковное право. Скончивъ
съ целью университетъ въ 1619 г., Калдеронъ былъ
уже извѣстенъ какъ драматическій писатель и, по возвра-
щеніи въ Мадридъ, немедленно обратилъ на себя вни-
маніе нѣсколькихъ влиятельныхъ придворныхъ лицъ, ко-
торые впоследствии всего больше способствовали его возвы-
щенію и чести.

Въ 1620 г., согласно съ духомъ времени, онъ вмѣстѣ
съ другими передовыми поэтами своего времени принялъ
участіе въ первомъ поэтическомъ состязаніи, учреденномъ
въ Мадридѣ въ честь св. Исидро, и удостоился за свое сти-
хотвореніе публичной похвалы отъ Лопе де Веги. Въ
1622 г. онъ явился на другое, еще болѣе торжественное
состязаніе, по случаю канонизаціи того же святого, и
заслужилъ гораздо болѣе похвалы; уже онъ получилъ
первую премию и удостоился выслушать изъ устъ предъ-
седателя торжества (Лопе де Веги) возторженную похвалу
своему поэтическому таланту. Наконецъ, поселившись въ испан.

скую армию, Калбдеронъ участвовалъ въ Миланскомъ по-
ходѣ 1625 г. и завѣль служилъ во Фландріи-Нидерлан-
дахъ, гдѣ все еще продолжалась ожесточенная національ-
ная и религіозная война. Но вскорѣ на его возвраще-
ніе на болѣе подходящемъ ему литературномъ попри-
щѣ. Именно уже въ 1632 г. нѣскольکو Калбдероно-
ваго драмъ игралось на театръ съ большими успѣхами,
авторы спектакля были похваланы публикой, написаны
множество лирическихъ стихотвореній и началъ поэму
о всемірномъ поэтѣ. Такими образомъ, зрѣлыми
двухъ лѣтъ отъ роду, онъ уже былъ извѣстнымъ по-
этомъ, ф. е. пользовался, какъ поэтъ, завидного и басурно
возраставшего репутацией.

Драматическій писатель съ такими дарованіями
не могъ остаться незамеченнымъ въ царствованіе Фри-
липпа IV, особенно, когда со смертью Лопе де Веги, въ
1635 г., испанскій театръ лишился своего главы. Уже
первые успѣхи въ поэзіи доставили Калбдерону рас-
положеніе короля Филиппа IV, это былъ первый изъ
испанскихъ королей, относившійся съ теплымъ ува-
женіемъ къ искусству и литературѣ своей страны. По-
этому, въ 1636 г., Калбдеронъ былъ пригласенъ ко двору
и въ качествѣ придворнаго поэта обязанъ былъ со-
мнѣнъ тѣмъ для представленія на придворномъ театръ,
устроенномъ въ замкѣ Вьен Ретиро, и въ 1637 году,

въ знакъ еще большаго отличія, онъ содѣланъ кавалеромъ
 ордена Сантъ-Яго (св. Якова). Едва передъ Калбдерономъ
 успѣла открыться блестящая карьера поэта, какъ вслѣдъ
 за тѣмъ въ Каталоніи случилось возмущеніе, возбудившее
 Франціей, и кавалерамъ герцогахъ великихъ военныхъ
 орденовъ повелѣно было, въ 1640 г., выступить въ по-
 ходъ для защиты королевской власти. Калбдеронъ, какъ
 мексиканскій рыцарь, зотчасъ же явился на призывъ долга.
 Но король, интересовавшійся его талантами болѣе, чѣмъ
 его ипагой, уволить его отъ военной службы до окон-
 чанія новой пьесы. Поэтому поэтъ позорился закон-
 чить свою пьесу „Борьба любви съ ревностью“ (Certamen
 de amor y zelos) и отправился въ армию. Во все про-
 долженіе кампаніи онъ сражался храбро подъ командою
 герцога Оливареса, и участвовалъ въ полѣ до усми-
 ренія возмущенія. По возвращеніи въ Мадридъ, король
 пожаловалъ ему пенсію въ тридцать золотыхъ кроунъ
 ежегодно и поручилъ ему заведываніе придворны-
 ми празднествами, устраивавшимися по случаю пред-
 стоящаго, въ 1649 г., въ Мадридъ новой короле-
 вы Анны Маріи Австрійской. Съ этихъ поръ Калбе-
 ронъ постоянно пользовался благосклонностью коро-
 ля, и до самой смерти Филиппа IV имѣлъ рѣшающую
 голосъ во всемъ, что касалось драмы; продолжалъ
 въ то же время писать свѣтскія пьесы для театра, а для

церкви autos, съ посподомыи въ четьхъ оныхъ.

Въ 1652. Калбдеронъ, слѣдуя примѣру Лопе де Веге и другихъ современныхъ писателей, вернулся въ религи- озное братство, а два года спустя (1653) король далъ ему мѣсто капеллана въ Толедской капеллѣ „Новыхъ Ко- ролей“ (Nuevos Reyes), исключительно предназначенной для погребенія королей и со времени Генриха Третьяго, марскаго посподомыи обогащаемой все новыи и новыи ми вкладами. Но такъ какъ это назначеніе удержи- вало его слишкомъ долгое время вдали отъ двора, для развлечения котораго отъ себя было необходимо, то въ 1663г. онъ былъ сдѣланъ посподомыи капелланомъ при ко- роляхъ. При этомъ ему дозволено было удерживать за собой его первое мѣсто и даже присоединить къ нему фрейбе. Въ томъ же году онъ былъ облеченъ саномъ священни- ка конгрегаціи св. Петра, и, скоро сдѣлавшись главою этого религіознаго собранія, исправлялъ эту должность въ продолженіи послѣднихъ тринадцати лѣтъ своей жизни.

Занимая при духовныхъ должностяхъ, поглащавшихъ много времени, Калбдеронъ только не менше не пре- равлялъ своихъ литературныхъ занятій. Напротивъ, это какъ бы еще больше поощряло его къ новыи зруданъ. Слава его возросла до такой степени, что соборы То- ледскій, Гранадскій и Севильскій посподомыи обращались

къ нему съ просьбами написавъ религиозныя пьесы для представленія въ день Свята Христова, — день великаго національнаго праздника, для котораго онъ, въ зреліе зрѣдѣній семи лѣтъ, регулярно дославлялъ новыя пьесы. За эти зрѣдѣнія, а также и за услуги, оказанныя двору, онъ получалъ богатые награды, за что скоро сообразилъ себѣ значительное состояніе.

Но по смерти Филиппа IV, въ 1665 г., онъ не пользовался уже королевскаго милосердія. Карлъ II характеромъ былъ совершенно не похожъ на своихъ предшесвенниковъ; имѣя въ виду это обстоятельство, испортивъ Солисъ уверждаетъ положительно, что Кальдеронъ умеръ безъ мецената ("Murió sin Mezenas"). Однако не смотря на это, Кальдеронъ продолжалъ по-прежнему работъ, за что для придворныхъ и церковныхъ спектаклей и до конца жизни сохранилъ необыкновенную популяриность. Онъ умеръ въ 1681 г., 25 мая, въ праздникъ Пятидесятницы, когда по всей Испаніи раздавался благовѣстъ, призывавшій на представленіе одного изъ его актов, сочиненіемъ котораго онъ занимался почти до послѣдней минуты своей жизни. Какъ другъ Педро Кальдеронъ умеръ, какъ, говорятъ, умираютъ медведи, съ тѣсною на устьяхъ; будучи уже опасно боленъ, онъ употребилъ все усиліе, чтобы окончить второе актъ для праздника Свята Господня, но устьяхъ

добесри его дошло до половины; оно было докончено, душно ли, хорошо ли, доль Мельхорама де Леонъ.¹⁾ — Мельхор Фернандез де Леон был известным драматургом того времени, но онъ не той силы, чтобы идти по слѣдамъ Кальдерона. —

На другой день послѣ смерти Кальдерона, тѣло его, согласно завѣщанію, было перенесено, безъ всякой панихищи, для погребенія въ церкви Санъ Сальвадора свѣтченниками конгрегаціи, во главѣ козрой отъ ея, ялъ ерско мѣръ и козрой завѣщанъ генеръ все свое соедѣніе. Чтобы удовлетворить испаніямъ многіе летнихъ похороненій покойнаго, были нѣсколькостей спущъ совершены торжественныя похороны Кальдерона. ^{Соотечественники приняли участие въ его смерти, какъ національное дѣло.} Въ Валенсіи, Лиссабонѣ, даже въ Мадридѣ, въ Миланѣ, Римѣ и Неаполѣ соотечественники великаго драматурга видѣли въ его смерти національную похорону. Эскортъ ему былъ воздвигнутъ павильоны въ церкви Санъ Сальвадора, гдѣ отъ погребенъ, а въ 1840г. останки поэта были перенесены въ болѣе величественную церковь Азукской Божіей Матери, гдѣ они покоятся и до сихъ поръ.

Жизнь и литературную дѣятельность Кальдерона можно раздѣлить на три періода, а именно I, молодое или юношескія произведенія Кальдерона (1600—1636), II, придворный поэтъ (1636—1651) и III, поэтъ-капельманъ

¹⁾ Cartas de N. Antonio y A. Solis, publicadas las por Mayans y Siscar, Leon de Francia 1733, p. 75.

предпослать самой книге. Различная стихотворения, представляемые Кальдероном для союзнаний (1720 мая 1622 года), помещены раньше у Лопе де Вега.¹ По поводу их Лопе де Вега выразился такими словами: «Награда была дана Дону Педро Кальдерону, который в юные годы судил лавры, выпадающие обыкновенно на долю старости».² Шесть или восемь стихотворений, представляемых Кальдероном по случаю двух золотых упоминательных поэтических союзнаний, весьма ценны, не только как самые ранние из дошедших до нас произведений его, но и как единственные, за исключением драмы, обращенные к стихотворным опытам.

Сербангес в своем Доне-Кихоте говорит, что на подобного рода союзнаний первая награда при судилась либо в знак личного уважения, либо в уважение к самому соискателю, а вторая — за лучшее из представляемых стихотворений (Parte II, с. 18). В данном случае Кальдерон получил за свою сан-сион уречью награду. Первая была присуждена Лопе де Вега, а вторая — Сараге.

Но с этого времени на целых десять лет зерцало совершенно из виду Кальдерона, как писателя-поэта, за исключением впрочем того случая, когда имя его упоминается в 1630 г. в издании

1 См. Obras Sueltas, Tom. XII, pp. 181, 239, 303, 363, 384.

2 Там же п. 413.

Лопе де Вегото Laurel de Arvalo въ числѣ поэтовъ, уро-
женцевъ Мадрида. Въ это время, какъ мы знаемъ, Калс,
деромъ создалъ на военной службѣ. И что онъ не былъ
безразличнымъ созерцателемъ людей и нравовъ въ зрѣніе
различныхъ кампаній, это доказываютъ сюжетъ и
козоровъ его пьесъ, изобилующихъ живыми описані-
ями подвиговъ и характерами героев, козоровъ гасфо
являюща на сцену прямо съ театра Эвры войновъ и
разсказываютъ о своихъ приключеніяхъ языкомъ, не
оставляющимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ,
что разсказываемое дѣйствительно пережило или.

На литературномъ поприщѣ мы встречаемъ Калс,
дерона только лишь въ 1632. Именно, по свидѣствъ,
срву Монзалвана, Калсдеромъ былъ въ это время уже
авторомъ нѣсколькихъ пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ на
сценѣ. Насколько извѣстно, первое изъ написанныхъ
пьесъ Калсдерона была „El Astrologo Fingido“ (Мои,
мой астрологъ или, Книжнй звездочетъ), помѣщен-
ная въ рѣдкомъ изданіи „Comedias de diferentes Auto-
res“ съ ^{изданиемъ} Лиценсія 1632 года, когда ея автору было 32 го-
да. Въ оглавленіи она помѣщена подъ заглавіемъ
„El Amante Astrologo, а въ посвященіи ея Хименю,
су де Урреа, издавалъ Педро Эскуеро говорить, что ему
сдѣлало большаго удовольствія узнать ея хорошаго спискомъ.
Насходящей областью Калсдерона, въ козоровъ онъ господъ,

срываютъ быть всякаго сравненія, была романтическая комедія, диалогическія пьесы съ сюжетами, заимство- ванными изъ его времени и общества. Между ними наиболѣе замѣчательна и эта пьеса, въ подражаніе которой англійскій писатель Драйденъ написалъ „Mock Astrologer“. Конечно по забвению самого Драйдена его „Mock Astrologer“ или „An Evening's Love“ еще по драматическую пьесу французскаго писателя Пюма Корнея „Le Feint Astrologue“, но сюжетъ этой пьесы Корнея заимствованъ изъ „Astrologo Fingido“ Калдерона.

Около того же времени появились три друпія пьесы Калдерона: 1) „La Industria contra el Poder“ — пьеса, приписанная Лопе де Вега, но въ действительности принадлежащая Калдерону и извѣстная подъ заглавіемъ „Amor, Honor y Poder“ (Любовь, Честь и Могущество); 2) „De un Castigo tres Venganzas“, генеръ озавлабленная „Un Castigo en tres Venganzas“ (Одна наказаніе въ двухъ мщеніяхъ); эта пьеса справедливо всегда считалась наиболѣе замѣчательнымъ и совершеннымъ произведеніемъ изъ драмъ-трагедій Калдерона, и 3) хорошо извѣстная „Devocion de la Cruz“ или „La devocion de la Cruz“ (Поклоненіе Кресту или „Молитва Кресту); ея первая и весьма несовершенная редакція имѣла названіе „La Cruz en la Sepultura“ (Крестъ на кладбищѣ — могила).“

1) Три друпія пьесы помѣщены въ XXVIII томѣ того же собранія комедій „Comedias de diferentes Autores“, изданныхъ Искусеро (Гисеса, 1634).

Изъ только что приведенныхъ драмъ больше извѣстна послѣдняя, французская, но высоко-характерная „La devocion de la Cruz“ (Поклонение Кресту), написанная въ 1635 г. Изъ религиозныхъ или духовныхъ драмъ Калдерона она пользуется между прочими наибольшимъ значеніемъ и извѣстностью. Въ ней проводится мысль, что вѣра въ силу св. Креста достаточна для спасенія человека, какое бы злодѣйство онъ ни совершилъ. Въ основу этой пьесы положено именно приключеніе человека, козоровъ, не смотря на то, что жизнь его представляеть рядъ крупныхъ и несложныхъ пресуппленій, сраживаясь предлежавъ исключительной Божіей благодати только потому, что онъ оказываетъ неизмѣнное благоговѣніе передъ вѣщью, что и имѣеть форму креста. Въ силу этого благоговѣнія, этотъ человекъ, нашедшій позорище смерти въ какой-то разбойничьей свалкѣ, чудеснымъ образомъ возвращается къ жизни для того, чтобы покаяться въ своихъ грѣхахъ, быть прощеннымъ и зарытъ правдою перенесеннымъ на небо.

Сюжетъ этой драмы, повидимому, всецѣло принадлежить французин Калдерона, хотя драма Пирседе Молиты „El Condenado por Desconfiado“ (Осужденный за невѣріе) можетъ быть приравнена къ „Devocion de la Cruz“, козоровъ она предмещуется по брешити и козоровъ она,

попалуй, превосходить въ поэтическомъ отношеніи,
^{которая} и еще глубже захватываетъ особенности присущаго
 этой эпохѣ религіознаго настроенія. Въ ней представ-
 лены поэтническіе ошелбники, но имени Паоло, узра-
 живающій благодаря Божию единственно по предостереженію
 упованія на Бога, между прочимъ какъ Энрико, борь и
 разбойникъ, замаранный самыми возмущающими
 преступленіями, оказывается дождителемъ этой благодати
 за проявленіе борьбы и упованія въ послѣдній мигъ,
 этой своей жизни.

Въ пьесѣ Франсиско де Маластины „La Fianza de
 la Verdad“ (Сила искусы) въ первой сценѣ (Форм. I)
 сарана-дьяволъ возмущаетъ порядокъ вещей, об-
 рекающего возмущать ангеловъ, вѣдущихъ длиннаго
 просунка, на востроу гдѣсь, безъ малѣйшей возмоз-
 жности нудель раскаянія вернутъ себя ураганное
 мѣсто на небесахъ, и дозволяющаго человѣку, сово-
 рившему себѣ изъ грѣха кумиръ, получить спасеніе,
 благодаря одному вздоху или тѣскоускимъ слезамъ.

Однако же, несмотря на все это, благодаря тѣ-
 скоускимъ, пропитаннымъ тѣскимъ, религіознымъ
 душевнымъ, срихамъ, пьеса Калдерона „La devo-
 cion de la Cruz“ (Молитва Кресту) всегда была любу-
 мота пьесой въ Мекани и, что еще замѣчательнѣе,
 имѣла себѣ восторженныхъ поклонниковъ среди

профессанцовъ. Она превосходно переведена на нѣ-
мецкій языкъ А. В. Шлегелемъ и соизръ первой въ
его сборникъ.¹⁾ Шлегель съумѣлъ точно сохранивъ
размѣръ и духъ подлинника, и удержаъ не только его
асонансы, но и рифмы. Въ переводѣ этого превосход-
наго переводника съ испанскаго на французско Лорони,
что заслуживаютъ быть процитированными.

Далѣе другія три пьесы Калдерона помѣщены
въ томъ XXX „Comedias de diferentes Autores“, козорскій
былъ изданъ въ Сарагосѣ въ 1636 г. Эти пьесы слѣду-
ющія: 1) „La Dama Duende“ („Дама-Волшебница“),
2) „La Vida es Sueño“ („Жизнь ^{есть} сонъ“), и 3) „El Privilegio
de las Mujeres“ („Привилегія женщинъ“) и 4) „La Vanda y la Flor“
(Марфа и Роза).
„La Dama Duende“ („Дама-Волшебница“ или луч-
ше „Дама-Кобальдъ“). Слово „duende“, передаваемое на
кастильскомъ нарѣчii словомъ „Trasgo“, обозначало,
содвѣственно говоря, Кобальда, духа болѣе злобнаго и
проказливаго, чѣмъ фрей. Характеръ Duende превос-
ходно очерченъ Лопе де Вега въ приключеніяхъ
его „Peregrino“, козорому однимъ изъ дѣлъ духовъ не
давалъ покоя своими проказами. Trasgo было
также въ родѣ англійскаго Родина Туда. „La Dama
Duende“ (Дама-Кобальдъ) — одна изъ лучшихъ пьесъ Кал-
дерона, наиболѣе характеризующихъ, если не гений
его, то его время — изъ его Comedias de Sara y Esrada

1) Schauspiele Calderon's, Berlin, 1803.

(Плаща и Мшаги)²⁷⁰ держимся, возмущающийся уже у
 Лопе де Веги. ^и Кальдеронъ оставилъ намъ много пьесъ
 этого рода и не малое число ихъ относится въ рамкѣ,
 но зрѣлой порѣ его исполненнаго силы и свѣтлости
 таланта. Пьеса эта полна жизни, огня, остроты и
 воображенія. Дѣйствіе ея происходитъ въ день крещенія
 принца Балсазара, наследника Филиппа IV, которое,
 какъ извѣстно, совершилось 14 ноября 1629 года; а сама
 пьеса была написана и поставлена на сцену вскоре
 послѣ этого событія. Възъ ея содержаніе:

Донья Ангела, героиня пьесы, молодая, прекрас-
 ная — прелестная и богатая вдова, живущая въ Мадридѣ,
 въ домѣ двухъ своихъ братьевъ; но, по особеннымъ
 обстоятельствомъ, вѣдуча закуто уединенную — заборни-
 тельскую жизнь, что никто, кромѣ домашнихъ, не зна-
 етъ объ ея пребываніи здѣсь. Донъ Мануэль, другъ одного
 изъ ея братьевъ, притезаясь въ городъ для свиданія
 съ ними. Немнодалеку отъ дома, какая-то дама, плотно
 закутанная въ покрывало, останавливаетъ его и умо-
 ляетъ, если онъ германскій рыцарь, заступитъ ее отъ гонимъ,
 дима ее преслѣдующаго. Эта дама — Донья Ангела,
 а преслѣдователь — ея братъ, Донъ Луисъ, котораго слы-
 шавъ за нею похвалу Золько, что она такъ сражательно
 закрывала свое лицо. Между молодыми людьми, не-
 знакомыми между собою — Донъ Мануэль притехалъ

1) Принцъ Балсазаръ Карлосъ, умершій семнадцати лѣтъ, извѣстенъ намъ главнымъ образомъ по нѣсколькимъ прекраснымъ португальскымъ работамъ Веласкеса. Рожденіе его вызвало во всѣхъ испанскихъ владѣніяхъ добрую шикованію, такъ какъ, въ зачатіе деваши предшесъвующимъ лѣтъ замужества, Изабелла французская имѣла Золько догору. Оу ел bautismo celebra Del primo Baltasar. For. I.

повидається съ другимъ бракомъ — басуро возникаеть ссора, а за нею слѣдуетъ поединкомъ, козорый, однакожь, былъ прерванъ появленіемъ другого брата. Донъ-Мануэля вѣдуць въ домъ и помѣщаются со вѣтлмъ вниманіемъ, подожающимъ почтенному гостю. Комманды его со-общаются съ покомми Донси Ангелы позаёмного-се, крестного дворя, извѣстнаго зомско еи и ея добровольной слушанкѣ. Донси Ангела, узнавъ о неожиданнымъ сосѣдствѣ своемъ съ геловникомъ, рисковавшимъ за нее жизнью, рѣшается безумиць съ нимъ въ записервенкя сношенія. Донси Ангела — холода и вѣррена. Когда она вошла въ комнату гостя, еи приходиць охота пошудиць надъ нимъ, и она осрабляеть послѣ себя какіе пригудливыя слѣды, козорые не могли бытъ незамѣчены. Слуга Донъ-Мануэля приписываетъ эту шалость злому духу Коболбду или Волшебнику. Гасцо находиць отъ зо думачи своего господина раз-бросанными, перемѣшанными, зо записочки на столѣ, зо мебелъ въ безпорядкѣ, а однажды отъ и его господинъ воруць оудились въ ^{инъ Давидъ} погромахъ. Донъ Мануэля въ большомъ смущеніи и не знаеть, что думатьъ объ этихъ чудесахъ. Однажды, правда, отъ замѣтилъ шалунью, когда она уходила на свою половину, но это не вывело его изъ недоумѣнія. Онъ говоритъ:

Como sombra se mostro'; Она выскользнула какъ зѣна,
 Fantástica en luz fué. окруженная волшебными свѣтами.
 Pero como cosa humana, Но благодаря ея человѣческой формѣ
 Le dexò tocar y ver; ея можно было коснуться и видѣть ее.
 Como mortal se temió, Какъ смертная, она пуглива,
 Rezelo' como muger, какъ женщина она робка;
 Como ilusion se deshizo, она исчезла какъ мечта,
 Como fantasma se fué: она распалась какъ фантастическое видѣние.
 Si doy la rienda al discurso, Если я началъ думать объ этомъ,
 No sé, vive Dios, no sé, го клянусь Богомъ, не знаю,
 Ni que tengo de dubar, въ чемъ зѣна сомнѣвается
 Ni que tengo de creer? и чему верить.

Но маленькая-красавица, козрой завѣ правилосъ
 королемъ пригласена молодого рыцаря, увлеченная
 блестящими жестками своими проказы, зашла слишкомъ
 далеко и была наконецъ поймана передъ
 глазами изумленныхъ друзей. Пѣса оканчивается
 меншидой Донъ-Мануэля на волшебника.

Слало-бытъ, въ этой комедии — все основано на фактѣ,
 что въ комнатахъ молодого человека съхъ похитная
 дверь, о существованіи козрой отъ не подозрѣвается
 и изъ козрой падывается для своихъ целей дама,
 мечтающая его заинтересовать. Мыслимо удивляется
 искусство автора, сумѣвшаго на такихъ простыхъ
 мотивахъ построить сложное и запутанное дѣйствіе

и провеси всю эту пирамиду къ меланхолическому концу. Мюргга тесет одна изъ самыхъ сложныхъ и веселыхъ, какія только возрываются въ истории драматическаго искусства. Судя по тому, сколько разъ и съ какими и съ какими удовольствиями Кальдеронъ упоминаеть о ней въ испанскихъ изъ своихъ тесетъ, какъ-то: въ „Mañanas de Abril y Mayo“, въ „Agradeceres y no Amas“, „El Fozoph de las Mujeres“ и проч., — нельзя сомнѣваться, съ въ томъ, что она была его любимой тесетою, а по ея вышретеннымъ дохонтервалъ съ увѣренностью можно заключить, что она также была любимой тесетою публики. Тесета эта пользуется и большого извѣстностью во французской репертуаръ ^{по двумъ обработкамъ} (подъ) ^{одинаковымъ} заглавиемъ „Esprit Follet“ Дювилля (Antoine le Metel Sieur d'Orville) и Ожерома (Floteroche). Испанская тесета возрываетъ и въ репертуаръ народной испанской сцены, а англійскій переводъ „La Dama Duende“ помѣщается во главѣ сборника, озаглавленнаго „Tirce Comedies, translated from the Spanish“ (London, 1807).

+) „Жизнь есть сонъ“ „La Vida es Sueño“ (Жизнь — сонъ) имперъ очень интересный и глубокомысленный сюжетъ. ²⁾ ^{Содержание ея см. Польской Дююссе} Королева снилось, что сонъ, котораго она родилъ на свѣтъ, будетъ несчастное существо, принесеть ей смерть и впоследствии всему государству несчастье и гибель. Также какъ въ самомъ дѣлѣ королева скончалась родами,

1) Paris, Guinet, 1642. — Parfait, Histoire du Theatre Francais (Tom. VI)

2) Это наша земная жизнь не больше, какъ краткая мечта или сонъ въ сравненіи съ реальностью вѣчной жизни, — отъ этого неоднократно звердими какъ зрители, такъ и артисты на сценѣ, но только Кальдеронъ сумѣлъ воплотить эту мысль въ драмѣ, благодаря поэтическимъ дохонтерваламъ.

+) Испанскій и
итальянскій уфра.

el agradecimiento,
благодарение

70 король заключаетъ Сигисмунда — такъ называлось
 ребенка — въ отдаленный замокъ, гдѣ онъ воспитывъ,
 ваяетъ въ уединеніи, не зная, что онъ принцъ. Но
 въ маскирой сраженіи король умираетъ въ наслѣд.,
 никто престола. Онъ напимаетъ соимѣваться въ зомъ,
 вѣрно ли поступило онъ, что, вѣрѣ стовидѣнныо, онъ
 заключилъ своего сына въ крепость и лишилъ ца,
 киль образомъ себя наслѣдника престола. Онъ рѣ,
 шаетъ на испробованіе. Онъ повелѣваетъ дать
 Сигисмунду снозворный напизокъ^{сонного}, перевезти его въ
 королевскій замокъ дворець, и, когда онъ проснется,
 убѣждаетъ его, что онъ царствующій принцъ. Если
 онъ будетъ царствовать благоразумно, то онъ будетъ
 назначенъ наслѣдникомъ престола; но если онъ
 окажется участивъ чудовищель, царствующий
 на сражѣ вѣтъ, какъ случилось королевы, то пусть
 онъ онъ возвратитъ въ заключеніе и повторитъ,
 то жизнь — сонъ. И возъ царствованіе Сигисмунда
 вѣтъ унасаецъ. Престиде всего онъ зредуетъ военной
 музыки, брякаетъ оружіемъ; хогеть удитъ своего учи.
 фельд, зому прозвивающегося камергера схватаетъ шбро.
 саетъ перець окно въ море; дуэлируетъ со своимъ пле.
 мнникомъ; хогеть измасилитъ ему правдицуюсь даму;
 зредуетъ униженіе своего оуца, короля, попраетъ его по,
 гали, удитъ вѣтъ, кто ему прозвивуецъ; зомско одитъ

мужь находить досраиваетъ ему удовольствіе, потому, что гоуь подраживаеъ ему. После этого засыпаеъ онъ Сигисмундъ въладѣвіе францужелского иъкар, ерва, которое дала ему прислуга по приказанію ко, роля. И его переводяъ назадъ въ его презннее заклю, ченіе.

Когда онъ просыпаеъся, видитъ онъ съ ужасомъ свое презннее положеніе въ цѣпяхъ. Передъ нимъ сѣдѣеъ его уижеъ (Клозалдъ), удивляющійся гоуь, что онъ такъ долго спалъ. Иъуъ, говоряъ Сигисмундъ, каменеъ, что я еще не просыпаеъся. Если это сонъ, то иъуъ ни, чего дѣйствительного. И я знаю гоуьско, что это былъ сонъ на аву. Клозалдъ: Ну, говори, что здѣсь случилось? Сигисмундъ: Что мнѣ спилоеъ? (Онъ разсмазриваеъ свои цѣпи). Независимый видъ! — Да! Не могу еом, нѣварся, когда это вижу. Въ самомъ дѣлѣ это былъ сонъ. Клозалдъ: Такъ говори, что случилось? Сигисмундъ: Было это и гоуьско видѣніе во снѣ, все не скажу здѣтъ никогда. Позомъ онъ разска, зываеъ, что проспавшиес онъ находилеъ въ велико, лѣпной обертковкѣ, что его окружала блестящая свиза и что оуъ Клозалда онъ узналъ все свое скарсе. Клозалдъ: Оуъ мена? Сигисмундъ: Да, хоуъ гоуь итакѣ суровъ и суровъ, но замъ гоуь былъ прозривъ мена ласковий и добръ и

какъ первый привѣтствовалъ меня наследникомъ престола Польши.

Клозалдъ: Ну, за то я получилъ отъ тебя хорошее вознагражденіе?

Сигисмундъ: Нѣтъ! За измененіе, — какъ мнѣ казалось, — я послалъ на звою синзет и дванихъ съутьи, тебя убить. Ты прозвѣлся мнилъ буртисель, гордъ, чинъ суремейидиль. Я смизалъ себя единсрвеннымъ государемъ сфраны, я ненавидѣлъ тебя, какъ всякое сопротивленіе, и слыно я суремейлся къ нести. — Польшо одну меншину я президе всего долженъ былъ любить и это, мнѣ думался, не былъ обманъ. Козь и все скоро исчезло, это одно, гувсрвую, ожалосъ.

Клозалдъ: Президе чталъ ты заснуль, ты говорилъ о королевской орль, властелинъ воздуха, поэтому тебя и смилосъ о зому подобномъ и о королевсрвалъ.

Сигисмундъ: Такъ кажедъ.

Клозалдъ: Но, Сигисмундъ, справедливо приходится и во снѣ зото почидатъ, кто суремейлся образоватъ своими чревидми звой дучь; даме въ стовидчнй, эль не должно уклоняръся отъ правилсого посржкленія.

(однѣ)

Сигисмундъ: Да, это правда. Поэтому теперь мы ко, чинъ угрозуе суровое располосеніе дуча — суровой дучь и это гесхонюбѣ, это бѣшенеурво, зру а ростъ,

когда паль оный спуска. Ужакъ генеръ а вижу во
 снѣ, что я-въ плену и ^{подоръ} ~~снѣ~~, какъ мнѣ сошло
 нѣсколко часовъ тому назадъ, что я снахлебъ и
 свободенъ. Жизнь-золско сонъ.

Позомъ оны слышатъ крики: Да здравствуетъ
 Сигисмундъ! Пробуждается въ плену нѣдземски, ко,
 зорне лодку ~~та~~ проводгласитъ его королеви. Сигис-
 мундъ сначала не соглашался принять эту честь.
 „Я знаю, это-сонъ“, говоритъ оны. Но сонъ-предсуде
 извѣщаютъ насъ о великихъ событіяхъ“, говоритъ пред-
 водитель нѣдземскихъ.

Сигисмундъ: Предсуде, говорите? Это можетъ быть.
 Да, предсуде! — Или было бы это нѣдземско?
 — Жизнь какъ корочка, то сонъ и нѣдземскость
 — одинаковы! — Ахъ! Душа, дай намъ ^{мечтаетъ, мечтаетъ} ~~снѣ~~, ~~снѣ~~
 золско еще разъ! Но разсудительно и озорливо, идо
 пробудитъ насъ во время лучшаго наслажденія.
 Вели могущество продолжался золско корочко время,
 го дайте намъ мечтаетъ о могущество и оубавъ! (При-
 ближается къ солдатамъ): Спасибо вамъ, васаллы,
 что у васъ честный каморетій съ Сигисмундомъ.
 Разумно и смело оны освободитъ васъ отъ чужого раб-
 ства. Я готовъ прожить моего оуба иди въ поладь.
 Солдаты: Да здравствуетъ великій принцъ!
 Сигисмундъ: Вооружитесь! (Вооружаются оны).

Весь: Да здравствует Сигисмунд!

Клоалдъ (вбѣгая про себя): Я пропалъ! (на колѣ, нѣтъ): Государи! отидаетъ смерти у звониль пось.

Сигисмундъ (поднимая его): Братюшка, не сходишь на колѣнѣхъ! — Ты долженъ быть мѣть проводни, колѣ и переводного звѣздото на моему пури къ ска, сзито. Я не забылъ, что я долженъ быть зедъ благо, гарманъ за мое образование. Обними меня! ~~Ахъ~~ Какъ на явѣ, раки во снѣ, ~~либо на явѣ~~ — надо поскупаться справедливо.

Позволь послѣ порашенія войски отъ почтенно подчиняется королю-оружу, оудаетъ своему племян. нику его возлюбленную, за козорую отъ ранше драксѣ ^{съ нимъ} и богато вознаграждаетъ своего насабника. Наконецъ приближается предводителемъ мѣтеситиковъ-солдаты и говорятъ: Ты вознаградишь згохъ, козорые зедъ не слушали. Какую награду получу я, кото, рый произвелъ воззваніе сфраны и освободилъ зедъ изъ згорьмы?

Сигисмундъ: Ты получишь ту же згорьму.

Весь (удивляется зому): Какъ мудро! какъ благородно!

Сигисмундъ: Что зуръ удивляется зому, чему училъ меня сонъ! Лучшее счастье жизни исчезаетъ какъ сонъ и оудаетъ зомско воспоминаніе нашихъ дѣл, дѣлѣ.

Подобный сюжетъ былъ повзоренъ въ нѣсколькихъ

писатель и разказатель около 1594 года. Напр. в английской литературе у Шекспира в его пьесе "Усмирение строптивой" (Taming of the shrew), в пролог. Движение происходит на полке, перед завесой. Из нее выходит главный герой, Христовый Слей, бранится с хозяйкой завесы, которая пьет на него жаловаться, за то, что она не хочет плясать за разбитые или оракансы. По уходе ее Слей падает на землю и засыпает. В таком положении застает его лорд, охотившийся по близости, и приказывает своим слугам перенести к себе в дом много отдыха, одеть его в богачье платье, и когда он проснется, утвердить его, что он знатный и богатый лорд. Позже датский поэт Людвиг фон Томсберг (1684-1754), писавший ослепительные комедии, написал и "Der verwandelte Bauer" (Преображенный крестьянин), который наконец в 1790 году Спендер младший обработал для латышской сцены под заглавием "Lustes spēle no zemnieka, kas par tūzmeski tārpe pārveidots". Снова эта пьеса издана в Ливах в 1867 г. под заглавием "Lūpi Bēstuls". Токи spēle, no trim cilvēkiem, kā zemnieks par tūzmeski cēlts.

Между тем как все эти пьесы издавались надъ пьесныхъ, надъ алкоголиками, драма Календера, на основании больше глубокой, философской мысли.

И главная мысль, что жизнь — сон, удачно обра-
 ботана и изображена. Философский или символический драмы у Кальдерона
 „El Privilegio de las Mujeres“ (Привилегия жен, ^{весьма нежного, но} ^{жизнь есть сон} —
 жизнь). Эта пьеса Кальдерона в заглавьи видна, в каком-то ^{одна из пьес.}
 она написана в Comedias, была, но многою
 Тарженбуша, написана Кальдероном в содру- ^{Глубина ее идей,}
 жестве с Мотральваном и Козло и послужила ^{поздн, великодуш,}
 прозой для „Atenas de la Hermandad“ (Ору- ^{ные монологи Са-}
 жие красавицы), содержащей историю Корриолана. ^{гислунда, в ко-}
 „La Vanda y la Flor“ (Шарф и Цветок) — также ^{речь отъ отнес-}
 очень удачная драма Кальдерона в роде Плача ^{важь своелюб-}
 и Многи (Сара и Эрада), здесь любовь и рев- ^{ное софодние, на-}
 ность составляют главные элементы интриги. Эта ^{конце, французия,}
 первая Jornada — в первом акте — полныценно подро- ^{ский колоритъ дн-}
 бное описание Фука де Вальтара — царицы прише- ^{свия — все это про-}
 стия прислани на вырочку принцу Балгазару, какъ ^{извело глубокое}
 принцу Астурийскому. Событие это относится къ 1632 ^{внезапные имен-}
 году и Кальдеронъ, естественно, долженъ былъ вскоре ^{но на пьески}
 заставить вывести его на сцену, такъ какъ ищется, ^{романтиковъ, ко-}
 возбуждаемой подобными вещами, скоро проходить. ^{рые слышали ея,}
 И такъ эту пьесу надлежитъ отнести къ 1632 году или ^{если не самой}
 ко времени вскоре после того.¹⁾ ^{драматургической, го-}

Эта пьеса происходила при дворе флорентинского
 герцога. Герой пьесы получилъ отъ одной дамы шарфъ,
 а отъ другой цветок, но оба отъ нихъ были закрыты

1) Она полныценна в Comedias, Том. V.

2) издавна, пьеса Лопе де Вега и Кальдерона,

покрывалами, дѣлая подарокъ, что онъ не лопъ оу,
 мнѣ одну оуъ другой. Онъ приписываетъ поощред,
 но одной изъ мнѣ знакъ расположеній другой, и
 оуъ этой ошибки происходятъ первыя ^{фантастическая} замѣшательства
 и сценны ревности. Положеніе героя становится еще
 болѣе затруднительнымъ въ вѣдѣніи вѣтшаго герцога,
 гредущаго изъ мнѣ въ видѣ, тобы онъ
 оукрыто ухаживалъ за жрецей дамой. Оуъ этого ^{отъ} ~~отъ~~
 пометія молодого геловника едталались чрезвычайъ,
 но замузанны, пока, наконецъ, однимъ случаемъ, ко,
 да мнѣ его была въ опасости, не засравили невинъ,
 но любящую его женщину невольно высказалъ
 свои чувства. Признаніе это вызываетъ съ его стороны
 дакой искренній возгоръ, что не оурается ни малъ,
 таго солтвонія въ его собуветной привязанности.
 Такимъ образомъ весь недоразумѣній разъясняется
 и меса оканчивается счастливой развѣдкой.

Разсмотримъ теперь одно характеристическое мѣсто
 твесе подробно: мизидя, вѣнчательная въ Фрике,
 герод драмы, и подарившая ему цѣвзюкъ, при видѣ
 на немъ шарфа своей соперницы и на основаніи
 другихъ обзоровъ, обвиняетъ его въ измѣнѣ. Онъ
 оувергаетъ это обвиненіе и оуясняетъ ей, что должно
 было сблизиться съ одной дамой для того, тобы мнѣ
 досудить къ другой. Разговоръ, въ козорокъ Фрике

оправдываешь свое поведение, презираемо характеру,
 excuse. Bozъ oтвѣ:

Lisida: Pues como podeis negarme No какъ жѣ можете отрицать жѣ,
 Lo mismo que yo estoy viendo? Что жѣ сама видѣла?

Enrique: Negando que vos lo veis. Отрицая, что жѣ это видѣла.

Lisida: No fuisteis en el paseo Развѣ жѣ не были на прогулку
 Sombra de su casa? Тамъ-то едъ дома?

Enrique: Si. Тамъ.

Lisida: Estatua de su terreno Статуя едъ герраси
 No os halló el Alva? въ сумерки? (- на зарѣ)?

Enrique: Es verdad. Это правда.

Lisida: No la escrivisteis? Развѣ жѣ не писали ей?

Enrique: No niego, que escrivi. Не отрицаю, писалъ.

Lisida: No fuè la noche Не была ли ночь

De amantes delitos vuestros Темныхъ плановъ

Carpa obscura? Вашихъ любовныхъ похотеній?

Enrique: Que la hablo Признатое, я говорю
 Alguna noche os confieso. Съ него однажды ночью.

Lisida: No es suya esa vanda? А это развѣ не едъ шафръ?

Enrique: Suya. Душно,

Pienso que fuè. Что оное было едъ.

Lisida: Pues que es esto? Что же все это значить?

Si ver ~~ves~~, si hablar, si escribir, Развѣ будаешь, говоришь, переписываешь ея

Si traes su vanda al cuello, Носишь на шею едъ шафръ,

Si seguís, si desvelar, Слѣдишь за нею, услуживаешь ей —

No es amar, yo, Enrique, os ruego Не знаете ли любви? Скажите же
 Me digais como se llama, Мить, Энрике, прощай жеб, какъ
 У no ignore do mas tiempo это называется,
 Una cosa que es tan facil. Односельско вещи, что такъ легко по,

Enrique: Responda os un argumento: А объявлено все это приключеньемъ.

El astuto cazador,

Хитрый охотникъ,

Que en lo rapido del vuelo

Hace á un atomo de pluma

Blanco veloz del acierto,

No adonde la caza está

Pone la mira, advirtiéndolo.

Que para que el viento peche,

Le importa engañar al viento.

El marinero ingenioso,

Que al mar desbocado y fiero,

Monstruo de naturaleza,

Hallo' yugo, y puso freno,

No al puerto que solicita

Pone la proa, que haciendo

Puntas al agua, desmiente

Sus iras, y toma puerto.

El capitán que esta fuerza

Intenta ganar, primero

En aquella toca al arma,

У con marciales estruendos

Мелая поразитъ прыжку на лежу,

Подождетъ ее не на зовъ

Самая мѣстность, а въ спороть,

и сопротивленіе вѣтра.

Онъ знаеть, что пока не обманеть.

Приндезрвующаго вѣтра,

До зѣтокъ поръ ледуиъ высурвалъ

Мелкисный морякъ, козорый,

Войдя въ море, накладываеть дремо

и узду на это дремоносудовице приро.

да, не править прямо въ пристани,

куда желаетъ войдти, но уклоня,

преодольтваеть илю

дростъ и наконецъ досигаеть

пристани (причаливаеть въ гавань).

Полководецъ, козорому нужно бѣзъ

крѣпости, сперва производить

древору на спороть, обмановаеть

военными движеніями,

Engaña á la tierra, que и береть ее зорда, когда она собственна
mal prevenida del riesgo не осмидаеть нападенія; Такимъ
La esperaba; así la fuerza образомъ бездѣ сила
Le da á partido al ingenio. устунаеть у.и.у.
La mina, que en las entrañas Мина, глубоко идущая
De la tierra estremo el centro, во взуренноеъ земли,
Artificioso volcan, искусственнѣй вулканъ,
Inventado Mongibelo, подобный Мондмибелло,
No donde prenado oculta не гавь полукаеть свое дѣйствіе,
Abismos de horror inmensos здѣ, въ глубокой пропасти,
Flace el efecto, porque, кроется уиасъ; обманывая самимъ ономъ,
Engañango al mismo fuego, она паринаеть здѣ, а оканчиваеть гавь,
Aquí consibe, allá aborta; гавь блеснетъ, какъ молнія,
Allí es rayo y aquí trueno. здѣсь вѣнхаетъ, а гавь
 здѣсь загремитъ, какъ громъ.
 взорветъ на воздухъ.
Pues si es carados mi amor Ужакъ, если моя любовь — охотникъ
En las campañas del viento; въ облаку вѣтровъ;
Si en el mar de sus fortunas если она морякъ, никогда
Inconstante marinerо; не утѣреннѣй въ своемъ опасствѣ,
Si es caudillo victorioso если она полководецъ
En las guerras de sus zelos: въ дѣлвахъ съ ревностю,
Si fuego mal resistido если она мина, пламя которой съ недей,
En mina de tantos pechos, снмной силой рветъ парусу,
Que mucho engañasse en mí что-же удивительнаго, что я гавь сгараетьсно
Tantos amantes afectos? гавь въ седѣ спалко пламеннаго гавь гавь?
Sea esta vanda testigo; Пусть зоръ шарфъ будеть порукой,

Porque, volcan, marino, y yo, какъ волканъ, мордкъ,
Capitan, y cazador; полководецъ, охотникъ,
En fuego, agua, tierra, y viento; огнемъ, водою, землею и воздухомъ
Logre, tenga, alcance, y tome доустигну моею цѣлю, возьму
Ruina, caza, triunfo, y puesto присрупоу моею крѣпостью и добычу.
 (Dale la vanda). (^{Вручающъ} Озвучаетъ ей маршъ).

Lisida: Bien pensais que mis quejas, Неужели вы думаете, что убого,
 mal lisonjeadas con esso, думъ меня зуми мѣсдивыми словами
 Os temitan de mi agravio или успокоилъ моего грусъ
 Las sinrazones del vuestro. своего Болзовниста.
No, bienique, yo soy mujer Мъжъ, Эрикке, я менцима назоуко
Tan soberbia, que no quiero гордад, что не желато, что
ser querida por venganza, меня любили изъ мщенид или
Por tema, ni por desprecio. вслѣдствіе сраха или каприза.
 El que á mi me ha de querer, Кро ищерь мой любви ^{изъ любви} ^{любви} ^{любви}
 Por mi ha de ser; no teniendo ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви}
 Convencencias en quererme ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви}
 Mas que quererme. (Don. II). ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви} ^{любви}

Разговоръ этотъ представляетъ превосходный образецъ
 издичнаго свѣзкаго срама испанскихъ драмъ, съ его
 охрочумными оборотами и поворотами одной и той
 же мысли въ различныхъ, все болѣе и болѣе ема,
 формъ формахъ рѣчи, оного мыслъ дѣлающъ все оуре,
 дѣлѣмъ и полнѣе, но мѣръ приближенія къ
 заключенію. Пѣса эта — Маршъ и Цѣтовокъ (La Vanda

у Са Флор) —, какъ и болышинство драмъ Калдерона, принадлежащихъ къ этому классу ^{2-го класса} (Плаща и Шпани-Сара у Эрада), — полна естественности, жизни; жизнь ея изумительно касадилский, придворный и издильный. Прекрасный переводъ ея на нѣмецкій языкъ былъ сдѣланъ А. В. Шлегелемъ.

II. Придворный поэтъ (1636—1651).

Хотя очень трудно, даже почти невозможно, хронологически разсмотрѣть произведенія Калдерона, однако же, для лучшаго обозрѣнiя, я буду придерживаться, ваясь этого порядка по возможности и здѣсь, во вѣрнѣе периодъ поэтическаго зворесуба Калдерона. Такъ, напр., пьесы: „Principe Constante“ (Непоколебимый принципъ), „La Vida es Sueño“ (Жизнь есть сонъ), „El Mayor Monstruo“ (Величайшее чудо) и „El Médico de su Honor“ (Врачъ своей чести), появились въ двухъ томкахъ, изданныхъ брадомъ поэта въ 1635 и 1637 г. и, следовательно, были еще произведенiями юности поэта.

Цѣль нѣкоторыхъ драмъ Калдерона основана на возвышенномъ чувствѣ вѣрности; любовь и ревность играютъ въ нихъ неизгладимую роль, или и вовсе исключены изъ нихъ. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ или наиболѣе выдающаяся между ними, это „Непоколебимый принципъ“ (El Principe Constante).

Сюжетъ ея заимствованъ изъ исторіи похода португальскаго инфанта Дюль-Фредрианда въ Африку противъ мавровъ, въ 1437 г. — похода, окончившагося совершеннымъ поражениемъ португальцевъ у Танжара и взятіемъ въ плѣны самого принца, который и умеръ въ зловѣ плѣну въ 1443 г. Это косяи долгое время (30 лѣтъ) оставались въ землѣ невѣрныхъ, пока, наконецъ, ихъ не перевезли на его родину, въ Лиссабонъ, гдѣ они были похоронены съ большими почестями, какъ останки святого и мученика. Эту исторію Калдеронъ нашелъ въ прекрасныхъ старинныхъ португальскихъ хроникахъ Хоана Альвареса и Руй-де-Лима.

Первая сцена, богата лирическими красками, происходитъ въ саду Фрескаго короля, догъ котораго вѣнчанна въ Мулей Тассана, главнаго полководца ея отца. Появляется Тассанъ и объявляетъ о приближеніи христіанскаго флота, подъ командою двухъ португальскихъ инфантовъ. Король велитъ Тассану отъ разуть высадку, но отъ дерзости неудачу, отъ разбѣга и взятъ въ плѣны Дюль-Фредриандомъ. Между плѣнникомъ и побѣдителемъ идетъ длинный діалогъ, представляющій собою (неудачное) переложеніе и распространеніе прекраснаго романа Тонгоры. Плѣнъ маврскій полководецъ открываетъ своего молодца.